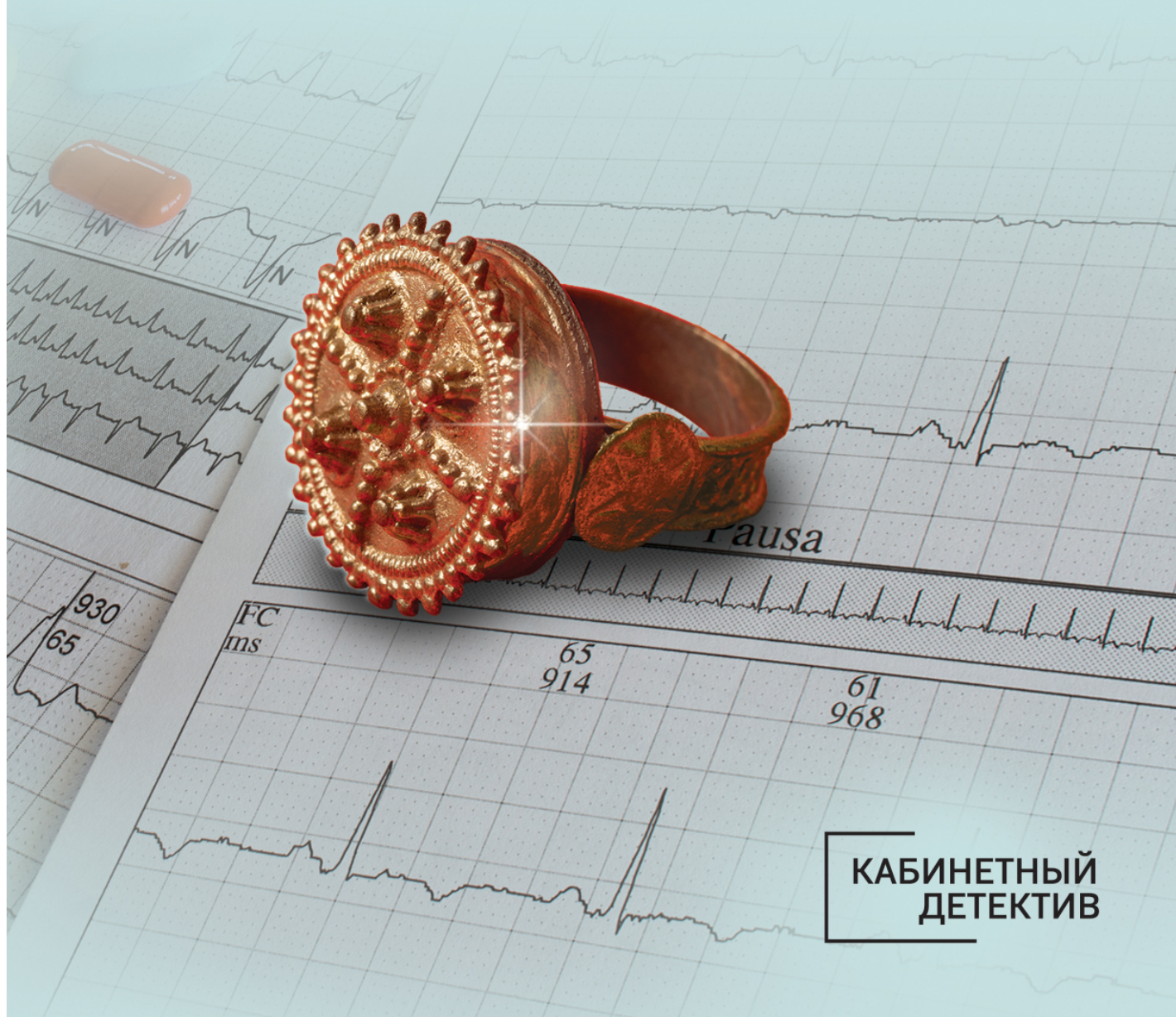

Ирина Градова

Маврский ПАЦИЕНТ

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Мальтийский пациент

«ЭКСМО»

2013

Градова И.

Мальтийский пациент / И. Градова — «Эксмо»,
2013 — (Врачебные секреты)

Отправившись на международный конгресс на Мальту, кардиохирург Ульяна Логинова даже не предполагала, какие приключения ее ожидают. В отеле, где она остановилась, собрались странные и таинственные личности, отнюдь не связанные с медициной. Каждый из них, как впоследствии выяснилось, преследует собственные, не всегда законные цели. На второй день пребывания на солнечном острове Уля и ее подруга Даша обнаружили труп нового знакомого, кардиолога из Англии Джона Ридла. Доктора задушили, а весь его номер перерыли вверх дном – в нем явно что-то искали, но не нашли. И лишь «везучая» Даша заметила рядом с телом Джона старинный средневековый перстень с надписью на латыни «Огнем и мечом»...

© Градова И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Май, 1942 год, Мальта	11
Наши дни, Россия	13
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Градова

Мальтийский пациент

Пролог

Апрель 1530 года, Сицилия

В распахнутое окно ворвался порыв свежего ветра, разворошив кипу бумаг, которыми был завален тяжелый дубовый стол. Вместе с ветром в комнату проникли вечерние запахи. В них смешались ароматы морской соли, цветов и свежескошенной травы. Пение птиц наполнило унылое помещение, убранством напоминающее скорее монашескую келью, нежели покои высокородного дворянина.

Пожилой мужчина в длинном белом балахоне медленно подошел к окну. Опершись обеими руками о подоконник, он с наслаждением втянул ноздрями пахнущий весной воздух. Его худое лицо, испещренное тонкими линиями морщин, хранило следы бессонных ночей. Они отпечатались и в залегших под черными глазами лиловых тенях, и в глубоких складках по обе стороны тонкогубого рта.

На Сицилию пришла весна, ознаменовав печальную реальность: орден должен покинуть гостеприимный остров в самое ближайшее время. Формально их никто не торопил, но Папа уже не раз высказывал посланникам Великого Магистра завуалированные «пожелания» скорейшего их отъезда отсюда. Да и император выражал неудовольствие по поводу несговорчивости ордена Святого Иоанна в отношении выбора новой базы. Он ведь предлагал несколько вполне приемлемых, по его мнению, вариантов, но Великий Магистр постоянно отклонял все предложения: по сравнению с цветущим Родосом с его удобными бухтами, где так удачно размещался значительный флот иоаннитов, все предложенное Карлом Пятым даже отдаленно не могло удовлетворить требования ордена!

Великий Магистр с тоской вспоминал плодородный, солнечный Родос, на котором орден достиг расцвета, и ничто, казалось, не предвещало столь неприятного финала. Их никогда не оставляли в покое то египтяне, то турки, то тунисские и алжирские пираты, но атаки незваных гостей рыцари Святого Иоанна отражали без особых потерь. И тогда, в 1522 году, когда флотилия Сулеймана, получившего у себя на родине прозвище «Великолепный», появилась у Родоса в количестве четырехсот кораблей, никто не рассчитывал на поражение. Магистра не испугало численное превосходство противника – против стосорокатысячного войска у рыцарей имелось всего четыре с половиной тысячи пехотинцев и шестьсот всадников.

Тем не менее в течение полугода им удавалось успешно сдерживать натиск турок без всякой помощи извне! Они защищали укрепления острова так, что даже сам Сулейман не мог не признать храбрости и военного умения осажденных. Он не раз предлагал рыцарям сдаться с честью и обещал пощадить их жизни, а также позволить вывезти имущество ордена. В ночь на новый, тысяча пятьсот двадцать третий год иоанниты, наконец, вынуждены были пойти на условия Сулеймана. Под предводительством Филиппа Вилльер Дель иль Адама остатки рыцарей, выживших во время осады, покидали остров Родос, служивший им пристанищем более двухсот лет. Великий Магистр помнил щемящее чувство, наполнявшее все его существо, когда он стоял на корме одного из своих судов и смотрел на удаляющийся берег. Тогда он еще не знал, что орден ожидают долгие годы скитаний и мытарств.

В мае Великий Магистр прибыл в Мессину, предоставленную ему в качестве резиденции королем Сицилии. Он оказался единственным из сильных мира сего, кто принял участие в судьбе иоаннитов. Но вскоре грянула страшная эпидемия чумы, и им пришлось перебраться

в Чивитта-Веккью. Благодаря Папе Клименту Седьмому рыцари Святого Иоанна получили временное прибежище в городе Витербо в Папской области.

И вот теперь они снова должны сниматься с насиженных мест и искать счастья в месте, о котором Великий Магистр не имел ни малейшего представления. Годы отняли у него здоровье, но не лишили силы духа. Он еще хотел успеть вернуть ордену былую славу и собирался посвятить остатки своей клонящейся к закату жизни этой великой цели.

«Конечно, если будет на то воля Божья», – смиренно подумал Великий Магистр и закрыл окно. Не успел он отойти к столу, чтобы привести в порядок документы, раскиданные веселым вечерним ветром, как в дверь несмело постучали.

– Войдите! – с некоторым раздражением крикнул Магистр, так как именно сейчас он не имел желания принимать посетителей.

В кабинет вошел юный паж, один из недавно набранных поручиком ордена Арманом де Кресси. Молодой человек еще не совсем освоился в своей новой должности и испытывал перед Дель иль Адамом благоговение с примесью изрядной доли любопытства.

– Ваша светлость, – дрожащим голосом начал юноша, поклонившись, – один человек требует немедленной встречи с вами. Я сказал ему, что вы не принимаете, но он отказывается слушать и рвется сюда.

– Рвется? – приподнял бровь Великий Магистр. – Что ж, впустите его, друг мой, – посмотрим, что это у нас настолько нетерпелив!

Юноша снова поклонился так низко, что едва не коснулся носом пола, и исчез. Затем тяжелая резная дверь распахнулась, но на этот раз широко, словно стоящий за ней человек не привык ждать и канителиться. Завидев его, Дель иль Адам изумленно всплеснул руками и воскликнул:

– Господь Всемогуший!

– Нет, ваша милость, – всего лишь я!

– Не богохульствуйте, сын мой! – поморщился старик, но его недовольство являлось показным: по всему видно, он был рад вновь прибывшему.

Вошедший склонил светловолосую голову перед Великим Магистром, а тот, приблизившись, порывисто заключил гостя в объятия.

– Аркон, – проговорил он, – какая счастливая встреча! Мне сообщили, что корабль...

– Корабль взяли на абордаж тунисские пираты, вас не обманули, мессир, – сказал посетитель. – Удалось спастись всего нескольким людям, в том числе и мне. И вот я здесь, чтобы доложить: ваше задание выполнено.

– Садитесь же, друг мой, – магистр подвел гостя к своему глубокому креслу и усадил, а сам встал напротив, внимательно вглядываясь в его загорелое до черноты, запыленное и просоленное лицо. Все говорило о том, что Аркон явился прямо с корабля, не отдохнув ни минуты. Его пшеничные волосы отросли, выгорели на солнце, и в них тускло сверкали кристаллики морской соли. Рыцарь сильно похудел, однако не утратил ореола человека, о котором ходили легенды не только в самом ордене, но и за его пределами.

– Эй, кто там! – крикнул Великий Магистр, распахивая дверь. Едва успел разогнуться юный паж, который все это время пытался подслушивать через замочную скважину. Ему не терпелось узнать, что за посетитель удостоился аудиенции у его господина, который строго-настрого запретил впускать кого бы то ни было! Великий Магистр не разгневался, вопреки ожиданиям.

– А, хорошо, что ты здесь! – сказал он. – Распорядись, чтобы принесли поесть. Да, и не забудь о вине. Мигом, юноша, не стоит медлить понапрасну!

Паж унесся выполнять приказание, а Великий Магистр вернулся в кабинет. Гость уже успел снять с себя пыльный и жесткий от морской соли верхний плащ, оставшись в тонкой серой накидке с вышитым белым полукрестом, и расположиться поудобнее в глубоком кресле.

Дель иль Адам не мог не заметить слипающиеся глаза Аркона, но, к сожалению, он не имел возможности позволить своему эмиссару отдохнуть до тех пор, пока тот не расскажет ему все, что успел узнать.

– Итак, друг мой, – заговорил магистр, усаживаясь в кресло напротив. – Что это за место? Аркон вздохнул, размышляя, с чего начать.

– Это не то, чего мы ожидали, мессир, – произнес он наконец. – Другими словами, это – отнюдь не Родос.

– Так я и предполагал, – печально ответил Великий Магистр. – Карл и Папа пытаются всучить нам кота в мешке, и выбора у нас нет. Говори же, Аркон, ничего от меня не утаивай!

– Что ж... Это два маленьких острова в Средиземном море – Мальта и Гозо. Но, несмотря на близость к Сицилии, климат там намного хуже, чем здесь. Жаркое, сухое лето, когда на деревьях не остается ни единого листа из-за палящего зноя. Зима приносит жестокие штормы, и в это время года невозможно безопасно причалить к берегу. Острова не отличаются плодородием – там в основном скалы и песок. Тем не менее местные жители умудряются возделывать и эту бедную почву. Они выращивают дыни, арбузы и виноград. Кстати, делают неплохое вино.

– Что думает местное население по поводу решения императора? – спросил Великий Магистр упавшим голосом.

– Народу все равно, но местная знать беспокоится за свои привилегии, ваша милость. Как я ни старался, мне не удалось убедить наместника в том, что присутствие ордена нисколько не ущемит их прав. Я пытался доказать ему, что иоанниты станут отличной защитой от пиратов и османов, но, похоже, не слишком преуспел. Возможно, вам следовало послать кого-то, обладающего большими дипломатическими способностями, нежели я.

– Нет-нет, – не согласился Дель иль Адам, – я мог доверить такое дело только вам, мой друг. Мне нужна правда, поэтому я отправил туда именно вас. Продолжайте!

– Ну, не все так уж печально, – проговорил Аркон. – С военной точки зрения Мальта – неплохая база. Теперешних укреплений недостаточно, но я тут кое-что набросал, с вашего позволения, – и он протянул магистру карту острова. Тот внимательно взгляделся в чертеж.

– Значит, наш флот...

– Встанет в гавань. Я думаю, там достаточно места. Кроме того, есть еще и Гозо. Правда, этот остров не так хорош, как первый, но за неимением лучшего...

Он замолк, заметив, что Великий Магистр погрузился в размышления. Наконец Дель иль Адам встрепенулся.

– У нас и в самом деле выбор невелик, – вздохнул он. – Карл дал понять, что больше ничем не поможет. Мальта и Триполи – его последнее предложение. Ему трудно охранять эти места от врагов, поэтому наше присутствие там сыграет ему на руку. Вот, прочитайте, – и магистр, взяв со стола один из свитков с тяжелой королевской печатью, протянул его Аркону.

Тот развернул свиток и прочел следующее:

– «Жалованная грамота императора Карла Пятого ордену Святого Иоанна Иерусалимского на владение островом Мальта.

Божиею милостию Мы, Карл Пятый, император Римский, всегда августейший, и проч., и проч., – выражаем благородным рыцарям Святого Иоанна Иерусалимского наше благоволение.

Дабы почтеннейший Великий Магистр и возлюбленные сыны наши, принадлежащие к помянутому ордену, по потере Родоса вынужденные скитаться, могли обрести постоянное жилище, из особенного Нашего благоволения к сему ордену Мы добровольно жалуем им сие убежище. Уступили Мы и даровали за себя и за Своих преемников на вечные времена честнейшему Великому Магистру и ордену Святого Иоанна Иерусалимского в ленное владение город Триполи и острова Мальту и Гозо с замками, всеми землями и со всеми правами собственности и владычества на отправление верховного суда, с правом жизни и смерти над жителями любого чина и звания...» Но... – начал Аркон, отрываясь от написанного и переводя взгляд

на собеседника. – Но это же и в самом деле значит, что он не оставляет нам выбора? Вы еще не дали своего согласия, а дарственная грамота уже подписана!

– Верно, сын мой, – кивнул Дель иль Адам. – Взгляните на дату, – магистр ткнул узловатым пальцем в конец пергамента.

– Датировано... январем сего года!

– Карл принял решение давно, а все эти экивоки – только для вида. На самом деле он и не собирался предлагать нам ничего стоящего! – Горечь, прозвучавшая в голосе Великого Магистра, покорила Аркона: он не привык видеть Дель иль Адама в расстроенных чувствах. Заметив смущение посланника, магистр попытался взять себя в руки.

– Тем не менее, – сказал он более спокойным тоном, – может, оно и к лучшему. В ордене беспокойно, и мы должны поскорее где-нибудь осесть, чтобы навести порядок. Видите ли, Аркон, вы слишком долго отсутствовали и, боюсь, не в курсе того, что у нас здесь творится. Члены ордена ведут себя отвратительно. Помните три основных обета, которые все мы приносим при вступлении в ряды братства?

– Послушание, целомудрие и добровольная нищета?

– Верно, – усмехнулся Дель иль Адам. – Ни один из этих постулатов более не соблюдается. Молодежь бахвалится силой и ловкостью, нередко стали случаи дуэлей среди рыцарей со смертельными исходами. И это в ту пору, когда нас со всех сторон осаждают враги! Два дня назад мне пришлось заточить в каземат трех молодых рыцарей за несанкционированный поединок, и это вызвало бурю недовольства. Не знаю, сколько еще удастся сдерживать эти горячие головы. Как видите, послушанием здесь и не пахнет! Что же касается целомудрия и нищеты, прости Господи, то тут вообще – беда. Мне доносят, что рыцари совершают набеги на близлежащие деревни, где... вот, послушай: «Грабят местных жителей, уводят скот и бесчестят всех, кто есть женского пола!» – магистр отложил свиток, выдержку из которого зачитывал Аркону. – Представьте, это я на днях получил от посланника короля Сицилии, чрезвычайно недовольного сложившейся ситуацией!

– Надо думать, – ухмыльнулся Аркон при мысли о том, как рыцари-монахи в плащах с изображением восьмиконечного креста прочесывают деревню в поисках любовных утех.

– Вы улыбаетесь! – возмутился Великий Магистр. – Но что за мнение создается об ордене у местных жителей, если наши рыцари позволяют себе подобные бесчинства? Нет, война стала бы спасением для всех нас, видит Бог! Молодежь, которой некуда приложить силу, необходимо срочно чем-то занять, поэтому я приму предложение Карла. Мы отправимся на Мальту и возьмем на себя обязательства, накладываемые дарственной грамотой Императора – будем защищать Триполи и эти два несчастных острова, как ранее защищали Иерусалим, Кипр и Родос. А коли будет на то воля Господня, мы вернемся, отвоевав наши земли у османов!

В дверь постучали. Великий Магистр уже и забыл, что отправлял юного пажа за провизией.

– Тебя только за смертью посылать, сын мой, – недовольно проворчал он, пока молодой человек раскладывал на столе еду и открывал бутылку вина. А юноша с любопытством разглядывал высокого русобородого рыцаря, сидящего напротив Дель иль Адама. Этот человек не походил на других рыцарей. Даже одежда его отличалась от принятой в ордене. Вместо черного суконного плаща с шелковым белым восьмиконечным крестом на рыцаре была серая накидка, а белый полукрест, едва заметный на этом фоне, располагался не на середине груди, как у всех членов братства, а слева. Полукресты носили члены ордена, не принявшие монашество. Раньше паж не сталкивался с подобным обмундированием, а потому прямо-таки изнывал от любопытства. По виду незнакомца было очевидно, что он прибыл издалека и что Великий Магистр придает огромное значение встрече с ним, а иначе он бы не позволил впустить рыцаря в столь поздний час, а предложил дожидаться завтрашнего утра.

Но юноше не суждено было получить ответы на свои вопросы: все время, что он сервировал стол, нарезал хлеб и разливал вино, оба мужчины хранили молчание. Только когда он вышел, Дель иль Адам вернулся к прерванному разговору. Аркон же принялся за скромную трапезу, состоящую из козьего сыра, хлеба, оливок и вина.

– У меня тоже есть для вас новости, сын мой, – сообщил Великий Магистр. – К сожалению, не из приятных. Боюсь, недолго вам отдыхать после утомительного путешествия.

Рыцарь поднял на собеседника вопросительный взгляд, продолжая усиленно работать крепкими челюстями.

– Слышали ли вы об организации под названием «Церковь Кровавых Святых»?

– Охотники за сокровищами?

– Значит, слышали, – констатировал Дель иль Адам. – Но они не просто, как вы их назвали, «охотники за сокровищами». Эти люди мечтают собрать все реликвии и святыни, которые имеются в христианском мире и у других народов. Их, с позволения сказать, «охота» представляет немалую опасность для ордена.

– В чем же опасность, мессир? – удивился Аркон, делая добрый глоток из деревянного кубка. – Иоанниты – не самый богатый орден из ныне существующих, и всем это прекрасно известно.

– Верно, – согласился Великий Магистр. – Но и у нас имеются святыни, о которых мечтают члены «Церкви». Как, кстати, поживает Глаз Шайтана?

Аркон вытер рот рукавом и извлек из ножен клинок из сверкающей стали. Дель иль Адам даже подался вперед, чтобы получше разглядеть это чудо кузнечного мастерства. Меч являл собой новшество инженерной мысли: в основное лезвие было встроено еще одно, в центре, приводившееся в действие работой простого механизма. Противник чувствовал себя в безопасности, думая, что находится вне пределов досягаемости клинка, и подходил ближе. В этот момент хозяин меча нажимал на рычажок, и противник падал, пронзенный выскочившим с быстротой молнии узким и тонким лезвием, увеличивающим длину оружия в полтора раза.

На рукояти меча причудливо переплетались золотые и серебряные змеи, головами своими поддерживающие огромный «глаз» – невиданной красоты голубой бриллиант в обрамлении более мелких камней. Именно из-за цвета бриллианта меч и прозвали Глазом Шайтана. Османы, у которых редко встречаются светлые глаза, считают голубой глаз символом нечистой силы. Вместе с тем голубой глаз, как ни странно, еще и оберег – украшая оружие голубыми камнями, мастер хотел защитить владельца от сглаза. Великий Магистр знал, что Глаз Шайтана – не только произведение искусства. Он не раз спасал жизнь своему владельцу, и Аркон скорее согласился бы лишиться правой руки, нежели этого клинка. «Глаз» был подарен Аркону самим Сулейманом Великолепным. Великий Магистр до сих пор гадал, при каких таких обстоятельствах великий полководец решился расстаться со своим бесценным оружием и отдать его «неверному» – Аркон свято хранил эту тайну.

– Прекрасный меч, – сказал Великий Магистр, осторожно проводя рукой по острому, как бритва, лезвию. – О том, что «Глаз» у вас, знаем не только мы, Аркон.

– Вы хотите сказать, «кровавые святые» хотят его заполучить? Ну, тогда им придется потрудиться: пока я жив, «Глаза» им не видать!

– Если бы речь шла только о мече, я бы так не волновался.

– Речь о... *них*? – медленно произнес Аркон, и улыбка сползла с его лица.

Великий Магистр кивнул.

– Но как они узнали?!

– Им известно гораздо больше, нежели вы представляете, сын мой... И, уж во всяком случае, – больше, чем хотелось бы! Ваш путь теперь лежит в Венецию. Я дам вам провожатых, и вы снова добудете необходимые ордену сведения. А я меж тем начну готовить флот к отплытию на Мальту.

Великий Магистр глядел из окна на удалявшегося к воротам с прямой спиной Аркона и думал о том, что когда-то он сам был молод и полон сил. Теперь же он болен и немощен, и с каждым днем у него все меньше энергии для того, чтобы противостоять ударам судьбы, которые с завидным постоянством сыплются на орден.

Новый порыв ветра налетел и растрепал седые волосы Великого Магистра, заставив его поежиться: была уже глубокая ночь, и воздух стал прохладным. Аркон скрылся за высокими деревьями монастырского сада, и пожилой усталый мужчина в белом балахоне со вздохом закрыл окно.

Май, 1942 год, Мальта

Полковник Жубер оглядел собравшихся в его кабинете людей. Лишь двое, как и он сам, носили военные знаки отличия. Остальные шестеро были в штатском, и тем не менее всех присутствующих объединяла общая цель.

Все они много пережили с тех пор, как началась война, и долгое время им сопутствовала удача. В июне сорокового, когда Муссолини отправил свой многочисленный воздушный флот бомбить остров, они, имея лишь три истребителя, носящие имена «Вера», «Надежда» и «Милосердие», сумели уничтожить двести итальянских самолетов! И это не единственный пример мужества и самоотверженности, которые нередко показывали защитники стратегического аванпоста под названием Мальта. Те, кто сегодня собрались здесь, в немалой степени содействовали успехам антифашистской коалиции не только в Средиземноморье, но и во всей Европе.

Война разделила их. Немецкие, австрийские и итальянские братья оказались перед выбором: участвовать ли им дальше в деятельности ордена, тем самым предав свои страны, ведущие военные действия на стороне Гитлера и Муссолини, или поставить общие интересы превыше всего. Большинство склонились ко второму, невзирая на опасность, которой отныне каждую минуту подвергались их жизни. Кардинал фон Гален, кавалер Большого Креста, возглавляет сейчас одну из групп сопротивления нацизму в Мюнстере. По понятным причинам он не смог присутствовать на этой тайной встрече, но прислал своего представителя. Шенка фон Штауфенберга не было среди присутствующих, и это наполняло сердце полковника Жубера печалью. Шенк даже не относился к членам ордена, хотя его семья имела пятисотлетнюю историю связи с его братьями. Фон Штауфенберг возглавлял заговор, целью которого было убийство Гитлера, но покушение провалилось. Фюрер казнил двенадцать немецких рыцарей ордена, чтобы показать, насколько безуспешны попытки уничтожить его и запугать тех, кого впоследствии мог вдохновить пример заговорщиков. И это – лишь малая часть потерь, которые нес орден все годы, что продолжается эта война.

Гитлер хочет во что бы то ни стало заполучить Мальту, представляющую слишком большой стратегический интерес. Самолеты Люфтваффе днем и ночью стерегут проход в Северную Африку, а Мальта стоит у них на пути. Только в январе этого года было совершено двести шестьдесят три налета на остров, а в апреле – уже двести восемьдесят три! В результате больше всех населенных пунктов пострадала Валетта, столица, где располагается и штаб-квартира ордена. Но ни постоянные бомбежки, ни угроза блокады не сломили жителей острова, получившего от самого Гитлера прозвище «непотопляемый авианосец», так как именно отсюда непрерывно взлетали истребители, наносящие непоправимый урон Люфтваффе.

Месяц назад Георг Шестой, король Великобритании, наградил народ острова за мужество Георгиевским крестом. Эта награда принадлежала им по праву. Безо всякой помощи извне, находясь в тяжелейших условиях нехватки горючего и питания, мальтийцы продолжали сопротивление и не имели намерения сдаваться на милость врагу. Полученные сегодня новости были радостными для всего населения Мальты, но плачевными для тех, кто собрался в кабинете. Именно о них Жубер должен был поведать присутствующим.

– Итак, господа, – начал полковник наконец, – я собрал вас здесь, чтобы ввести в курс произошедшего за последние двое суток. Мы потеряли два истребителя, но уничтожили шестнадцать самолетов противника.

– Учитывая соотношение сил, – вставил пожилой человек в очках, сидевший у самой двери, – счет не в нашу пользу!

– Согласен, – кивнул Жубер. – Тем не менее есть и хорошая новость: сегодня утром конвой из четырнадцати грузовых кораблей успешно миновал заслон противника и доставил

на остров топливо, медикаменты и продукты питания. Так что, господа, по крайней мере, голод нам в ближайшее время не грозит!

Присутствующие радостно зашумели, но полковник прервал их громким: «Тише, господа, это еще не все!»

Разговоры смолкли, и все взгляды устремились на Жубера.

– В целом конвой благополучно достиг Мальты, – продолжал он. – Но мы потеряли одно судно...

Он прервал речь и оглядел лица присутствующих, на которых читалось напряженное ожидание.

– Мы потеряли «Санта-Марию», господа, – закончил полковник и сел.

Единый вздох, пронесшийся по помещению, сказал ему о чувствах, которые одновременно испытали собравшиеся при этом известии.

– Не может быть! – пробормотал мужчина в генеральской форме. – Как же так?

– Я не знаю подробностей, – покачал головой полковник Жубер. – На конвой было совершено нападение, хотя свидетели говорят, что оно выглядело... несколько странно.

– То есть? – спросил все тот же пожилой джентльмен в очках, который высказал замечание по поводу утраченных истребителей.

– У них создалось впечатление, что нападающие интересовались *исключительно* «Санта-Марией», причем намеревались заполучить ее в целости и сохранности!

– Но это невозможно! – вскричал джентльмен. – Это же означало бы...

– Означало бы, что они точно *знали*, что за груз перевозит «Санта-Мария», – закончил за него полковник. – Несколько кораблей получили в результате атаки незначительные повреждения, не помешавшие им продолжить путь, а появление нашего воздушного сопровождения заставило противника ретироваться. Но перед самым началом атаки «Санта-Мария» неожиданно отделилась от конвоя и взяла курс на Сицилию. Связь с кораблем установить не удалось, и никто не знает, что произошло на борту.

– Боже мой, – прошептал генерал. – И что же теперь делать?

– Ничего, – покачал головой Жубер. – Мы ничего не сможем сделать, пока идет война, сэр. Организовать поиски в данный момент не представляется возможным. Кроме того, на это потребовались бы немалые средства и такое снаряжение, которым, боюсь, мы не располагаем.

– Хорошо, – вмешался человек, сидевший напротив Жубера и до этого хранивший молчание. В его французском слышался сильный английский акцент. – Что вы предлагаете, месье?

– Мое предложение следующее: до конца боевых действий все присутствующие в этой комнате забывают о «Санта-Марии». Ни одно слово из нашей с вами беседы не должно просочиться за пределы этих стен.

– Но как же...

– Наша версия такова, – перебил говорящего полковник. – «Санта-Мария» *благополучно* пришла в порт и встала на якорь. Любому, кто захочет проверить достоверность этих сведений, я лично продемонстрирую судно. А теперь мы переходим к следующему вопросу в повестке дня.

Наши дни, Россия

Ничто не предвещало этой поездки. На самом деле я никуда бы и не поехала, если бы кто-то в Комитете по здравоохранению, просматривая список участников Международного конгресса кардиологов, вдруг не сказал:

– Что-то маловато женщин... Иностранцы не преминут на это указать, добавив, что в России процветает дискриминация по половому признаку!

Вот так в списки попала я. Как ни смешно, поспособствовал этому, помимо собственной воли, наш заведующий Иван Сергеевич Хлыстов. Смешно, потому что он невысокого мнения о женщинах. Точнее, он большой любитель женского пола, но считает, что женщина должна быть просто красивой, а ум ей иметь не только необязательно, но даже противопоказано – в этом случае она теряет всю свою прелесть. Женщины-врачи для Хлыстова женщинами не являются. Почему? Да потому что они – не врачи-мужчины, и этим все сказано. Женщина, в представлении нашего главврача, может быть ветеринаром, дантистом или, на худой конец, фельдшером – этим исчерпываются возможности ее скудного ума и ограниченных навыков. Женщина-хирург – еще хуже, чем женщина-врач, так как в мире нет оправдания ее существованию.

Однако это был всего лишь первый шаг: я просто получила «добро» на отправку тезисов своего доклада в международный комитет, занимающийся подготовкой конгресса. Строго говоря, оно мне не так уж и требовалось, но, сделай я это через голову начальства, не обралась бы последствий. Мое положение в больнице крепко, но незavidно: являясь единственной женщиной-кардиохирургом на отделении, я вынуждена каждый день отстаивать свое право стоять в операционной наравне с мужчинами. Мои тезисы заинтересовали международный комитет, и я, Ульяна Андреевна Логинова, получила приглашение прибыть на конгресс кардиологов, в этом году проходивший на Мальте.

Конгрессы за границей – настоящий подарок судьбы. Мало того, что на них можно пообщаться с умными людьми, научиться чему-нибудь полезному и узнать о новейших направлениях в кардиологии, так еще и достопримечательности осмотреть, а в моем случае – даже в море искупаться. Поэтому я ощущала удивительный душевный подъем на всем протяжении пятичасового полета в предвкушении чего-то нового и необычного. Вообще-то самолеты я не люблю и, едва поднявшись в воздух, с нетерпением ожидаю той минуты, когда ступлю ногами на твердую землю. Моя подруга Дашка, сидящая рядом, попала в самолет случайно. Вернее, почти случайно. Она работает на телевидении и пишет сценарии для телешоу, но работа скорее ее хобби, нежели источник дохода: моя подруга богата, почти как Пэрис Хилтон. Много раз она пыталась сманить меня вместе отдохнуть, но, во-первых, я слишком занята, а во-вторых, ее уровень дохода позволяет останавливаться в номерах люкс пятизвездочных отелей, а я, к сожалению, едва могу наскрести на три звезды, причем придется на всем экономить, даже на сувенирах. Дашка, конечно, с удовольствием заплатит за двоих, но я ни за что не согласилась бы на положение иждивенки-приживалки при богатой подруге. Зато теперь Дашке выпал шанс, и она не собиралась его упускать.

– Мы летим вместе! – заявила она, едва узнав о предстоящей поездке. – Говоришь, твой конгресс продлится четыре дня... А еще на десять дней ты возьмешь отгулы, мы доплатим и отлично отдохнем в шикарном отеле. И не вздумай возражать!

В сущности, возражать причин у меня не было – наоборот, Дашина компания пришлась весьма кстати, учитывая, что я не знаю никого из участников конгресса. Комнату в отеле лучше делить с человеком, с которым успел съесть пуд соли, а не с незнакомкой, могущей оказаться невыносимой соседкой. Дашке удалось забронировать второе место в моем номере, хотя я и сомневалась, что он ей подойдет – с ее-то запросами!

На взлетно-посадочной полосе я огляделась, а потом посмотрела на Дашу. Та стояла рядом, приоткрыв рот, и на ее лице постепенно, как на свежей фотографии, проявлялось странное выражение.

– Так, – выдавила она из себя наконец. – Так...

– Что – так? – спросила я, хотя и сама знала ответ: пейзаж, открывшийся нашим взглядам, выглядел на редкость уныло – за маленькой территорией аэропорта тянулась выжженная степь, в некоторых местах она прерывалась одинокими голыми скалами, неожиданно возникающими прямо из плоской, как тарелка, земли.

– Значит, я предлагаю следующее, – пробормотала Даша, обращаясь ко мне. – Мыждемся в аэропорту следующего рейса и летим домой! Мы всегда можем купить тур в Испанию или...

– Эй, милая, ты забыла, что я тут по делу? – напомнила я.

– А-а... – печально вздохнула Даша, и мы медленно потопали к зданию аэропорта. Оно оказалось таким же маленьким, как и аэродром – всего один скромный зал с несколькими рядами сидений.

Получив багаж, мы проследовали к выходу. Там стояли гиды, держа в руках таблички с названиями отелей. Мы с Дашей огляделись в поисках таблички «Сан-Эльмо», но не обнаружили таковой. Оказалось, что еще одну группу никто не ждал. Их было семь человек, в том числе двое маленьких детей, и ни один из туристов не говорил по-английски! Дети тут же начали капризничать. За окном аэропорта, судя по термометру в зале, температура перевалила за сорок градусов. Вздохнув, я приняла решение помочь соотечественникам. Прихватив с собой здорового мужика из группы, который возмущался больше всех, я отправилась в администрацию аэропорта и объяснила ситуацию. Они попросили телефон отеля, где собирались разместиться туристы, и сами позвонили туда. Выяснилось, что прилетевших ждут, но гид-сопровождающий почему-то к рейсу не явилась. В отеле пообещали немедленно выслать микроавтобус и забрать бедолаг.

Вернувшись, я увидела Дашку, сидящую на одном из наших чемоданов. Глядя по сторонам, она задумчиво жевала сэндвич, купленный в буфете. Я пристроилась на втором чемодане и уже собиралась пригорюниться, как вдруг подошла служащая аэропорта.

– Excuse me, – начала она, – are you... – женщина взглянула в бумажку, которую держала в руке и произнесла по слогам: – Miss Lo-gi-nova and Miss A-vye-ty-syan?

– Yes, yes! – радостно завопила Дарья.

– Then, will you please proceed to the exit where your driver has been waiting for you for a long time already? (Тогда не пройти ли вам к выходу, где уже давно дожидается ваш водитель?)

– Дожидается? – переспросила Дашка. – Интересно! А мы откуда должны знать, что он нас дожидается?

Догадавшись, я вытащила мобильник, который выключила еще перед взлетом. Включив его, я увидела надпись на экране: «Восемь пропущенных звонков»! Бедный водитель, наверное, никак не мог взять в толк, почему все туристы уже покинули здание аэропорта, а его пассажиры все нет.

Мы с вещами поспешили к выходу. Водитель стоял возле огромного черного «Лендровера», нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Завидев нас, он радостно заспешил навстречу.

– Вот это я понимаю! – одобрительно кивнула Дарья, забираясь в шикарное авто. – Интересно, транспортом вас обеспечивает отель или устроители конгресса?

Дорога, по которой мы ехали, поднимая тучи пыли, была такой же унылой, как и пейзаж, открывшийся нашим взорам сразу после приземления. Однако через двадцать минут езды картина изменилась. Теперь вдоль дороги тянулись террасы, разбитые на одинаковые по размеру квадраты и поднимающиеся к самым вершинам скал. Поинтересовавшись у водителя, я выяснила, что это – мальтийские огороды.

Наконец машина выехала на берег моря, и мы восхищенно уставились в окно. Пенные морские волны с грохотом разбивались об огромные камни, а вдаль, на фоне безмятежно-синего безоблачного неба, виднелись белые паруса яхт, бороздящих гладкую бирюзовую поверхность. По обочинам росли невысокие деревья, и в открытое окно врвался резкий запах эвкалиптов.

Любуясь морем, я и не заметила, как мы подъехали к пункту назначения. От созерцания природы меня оторвал восторженный вскрик Дарьи:

– Боже всемогущий, ты только глянь!

Перед нами возвышалось внушительное сооружение из светло-серого камня с двумя круглыми башнями и чугунной оградой. Эта ограда казалась не менее живописной, чем те, что я видела на картинках в средневековых романах. От вида захватывало дух, а машина уже въезжала в широко распахнутые ворота. Выйдя из автомобиля, я заметила несколько дорогих иномарок типа «Лексуса» и «Мерседеса», а также три новеньких, сверкающих на солнце «Харлея». Очевидно, среди постояльцев встречались лихачи, любящие гонять по извилистому серпантину острова на высокой скорости.

Задрав голову, я принялась рассматривать отель. Он и в самом деле походил на один из старинных замков, описанных в романах Вальтера Скотта или Роберта Стивенсона. Две высокие круглые башни соединялись висячим мостом, перила которого были увиты цветущими плющом и виноградом. Над парадным входом в виде большой арки красовался бронзовый герб с изображением распахнувшего пасть льва, прижимающего когтистой лапой зеленую эвкалиптовую ветвь. Из-под арки выскочили двое молодых людей в бело-зеленой униформе. Легко подхватив наши вещи, они улыбнулись, приглашая следовать за ними.

Мы попрощались с водителем и дали ему десять евро чаевых. Он принял деньги благодарно, но со спокойным достоинством. После этого мы проследовали за парнями в униформе. По обе стороны замка располагались гостиничные комплексы, построенные в том же стиле, что и главное здание. Рядом, за живой изгородью, я заметила ресторан под открытым небом. Миновав бассейн, мы вошли в левое крыло, в просторный мраморный холл. Нам навстречу поднялась элегантная дама лет пятидесяти с гвоздикой в петлице белой блузки.

– Добрый день, – поздоровалась она и лучезарно улыбнулась. – Вы приехали на конгресс? Я подтвердила.

– Меня зовут Кристина. Всем нашим гостям полагаются сопровождающие, и я занимаюсь российской делегацией, – пояснила она. И тут же с улыбкой добавила: – Мне повезло больше других: здесь всего два человека из России, и работы не так много! Но я всегда к вашим услугам.

Дама говорила по-русски с едва заметным акцентом, и я решила, что он, должно быть, приобретенный. Впоследствии она поведала нам, что живет на Мальте с тридцати лет и редко общается с соотечественниками, так как этот отель очень дорогой.

Кристина пообещала порекомендовать места, которые следует посетить. Мы договорились встретиться после обеда, чтобы она могла рассказать об услугах, предоставляемых постояльцам отеля, и выдать программу конгресса. А пока она помогла нам зарегистрироваться и выдала ключи от двухместного номера на третьем этаже.

– Здесь все номера – класса люкс, – сказала Кристина, провожая нас до лифта. – На каждом этаже всего лишь два номера, так что вас никто не побеспокоит. Счастливо устроиться!

Мы поднялись наверх и, открыв дверь, замерли в восхищении.

– Вот это да, Улька! – воскликнула Дашка, вихрем проносясь по двум просторным смежным комнатам и возвращаясь в прихожую с сияющим лицом.

И я не могла с ней не согласиться. Высокие потолки, покрашенные в цвет кофе с молоком стены и два балкона – по одному в каждой комнате, – с которых открывался божественный вид на море.

– Вот он, рай! – прошептала я.

К тому времени, как Дарья, закончив разбор бесчисленного шмотья, без сил повалилась на кровать, я уже приняла душ, переделалась в шлепанцы и халат и приступила к изучению содержимого холодильника.

– Что тебе принести попить? – крикнула я Дарье.

– Морфия, – раздался стон.

– Морфия нету. Есть апельсиновый сок, минеральная вода «Перье» с газом и без, кока-кола, коньяк в маленьких бутылочках и «Бейлис».

– Тащи воду, – милостиво согласилась Даша, видимо, сочтя «Перье» достойной заменой морфию. – Без газа.

Я вытащила стеклянную бутылку воды, а себе прихватила апельсиновый сок. Прежде чем тоже бухнуться на кровать, включила кондиционер на полную мощность. В комнате было дико жарко, и стенки бутылок тут же запотели.

Через полчаса я обнаружила, что Дарья блаженно спит, но сама почему-то усталости не ощущала – слишком сильным, наверное, было возбуждение от новизны. Мне редко доводится путешествовать, и за всю жизнь я побывала всего-то в трех-четырех странах. Тихо поднявшись с постели, я на цыпочках, чтобы не потревожить Дашу, прокралась к шкафу и вытащила оттуда футболку и шорты, а также свои легкие белые сандалии без каблучков. Надев все это, я вышла из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь. До встречи с Кристиной оставалось около трех часов, но мне не терпелось отправиться на разведку, чтобы увидеть как можно больше, прежде чем погрузиться в рабочую атмосферу.

На территории отеля не оказалось ни души, словно все вокруг вымерло – видимо, виной тому была жара, упавшая на остров, словно пуховое одеяло, окутав его призрачным душным маревом. Я в одиночестве побродила по двору, обошла сад и собралась поискать выход к морю, как вдруг услышала приглушенные голоса. Раздвинув ветви кустов, я увидела, что эта часть сада выходит на парковку. Сейчас ее заплотнили десятка полтора автомобилей, возле которых толпились полтора десятка мужчин. Разговор шел на французском. Мои познания в этом языке весьма ограничены, и я понимала лишь отдельные фразы. Ни один из присутствующих не походил на отдыхающего. Все они были одеты официально, что никак не вязалось с погодными условиями. Темные деловые костюмы, вероятно, доставляли мужчинам немалые неудобства, но они даже не сняли пиджаков, стоя на самом солнцепеке. Неужели это гости конгресса? Тогда почему нет женщин и почему меня не пригласили? В какой-то момент все головы повернулись в сторону арки, из-под которой вышел невысокий молодой человек. Он что-то сказал по-французски, и вся толпа двинулась за ним. Парень не повел их через парадный вход, а завернул за угол – туда, где, по моим догадкам, располагались подсобные помещения.

К пляжу спускалась массивная каменная лестница с деревянными перилами, протяженностью около трехсот метров. Там тоже не оказалось ни души, только громадные, толстые чайки время от времени с громкими криками проносились над водой, окуная в нее свои острые, как бритвы, крылья.

Погоулав по песчаному берегу, я решила вернуться другим путем. Вверх от пляжа тянулась извилистая скалистая тропинка. Дорога в гору по жаре показалась гораздо длиннее, и я остановилась передохнуть и полюбоваться видом сверху на вспаханные клетчатые поля и окружающие их скалы. Чтобы получше разглядеть, что растет на маленьких наделах, я подошла к краю обрыва. Стоя там и глядя на простирающиеся внизу красоты природы, я внезапно услышала, как где-то рядом взвизгнули тормоза.

– Just don't panic, madam, everything's gonna be all right! (Только без паники, мадам, все будет хорошо!)

Я резко обернулась. В нескольких шагах от меня замер невысокий пожилой мужчина, вытянув руки ладонями вперед.

– Just step back, please. There're no such problems that we can't solve together! (Просто сделайте шаг назад, пожалуйста. Нет таких проблем, которые мы не могли бы решить сообща!)

В речи мужчины я уловила довольно сильный акцент.

– Parles vous Frances? (Вы говорите по-французски?) – продолжал незнакомец, решив, что по-английски я не понимаю.

– Non, – ответила я по-французски, и тут до меня дошло, что он мог подумать: очевидно, увидев меня, стоящую на самом краю обрыва, бедняга решил, что я собираюсь покончить с собой! От этого дикого открытия мне стало безумно смешно. Я не сумела сдержаться и совершенно неприлично расхохоталась. Пожилой мужчина испуганно смотрел, как я отошла от края скалы и двинулась в его сторону.

– I'm terribly sorry (мне ужасно жаль), – заговорила я, успокоившись. – I really didn't mean to... (На самом деле я не собиралась...) I was just enjoying the beautiful view! (Я просто наслаждалась красивым видом!)

На лице мужчины отразилось облегчение, и я едва удержалась от повторного приступа смеха.

– Слава богу, – заговорил он по-английски. – Было бы большой потерей для человечества, если бы такая прелестная женщина, как вы, свела счеты с жизнью!

Я заметила, что он с явным удовольствием разглядывает меня, и смущенно поправила растрепавшиеся от ветра волосы. Сама я одним быстрым взглядом окинула полноватую, но импозантную фигуру незнакомца, седые волосы и изумительные карие глаза.

– Вы проживаете в «Сан-Эльмо»? – спросил между тем мужчина. – Как это я вас раньше не видел?

– Я только сегодня приехала – на конгресс кардиологов.

– О, так вы доктор? – улыбнулся он, и эта улыбка мне понравилась. – Какой же я невежа! Позвольте представиться, мое имя Филипп, Филипп де Кассар.

– Ульяна... Можно просто Уля.

– Ула, – кивнул он. – Похоже на скандинавское имя. Если вы возвращаетесь в отель, я могу вас подбросить?

Я заметила невдалеке блестящий черными боками «Ягуар» с открытым верхом. Видимо, месть де Кассар остановил машину подальше, едва заведя меня на уступе, боясь напугать «самоубийцу» визгом тормозов.

– Почему бы и нет? – пожала я плечами: ни разу в жизни не ездила в таком шикарном автомобиле!

Меньше чем за пять минут мы домчались до «Сан-Эльмо». Филипп выскочил из машины и, открыв дверцу снаружи, помог мне выбраться.

– Ну, вот вы и дома, – улыбнулся месть де Кассар. – Как вам здесь нравится?

– Просто сказка, – честно ответила я. – Правда, я тут по работе, но все же надеюсь, что проведенное здесь время станет незабываемым.

– Так оно и будет, – серьезно сказал Филипп. – А теперь идите отдыхать: обед подается в два часа, и у вас осталось совсем мало времени.

Поблагодарив, я поспешила ко входу в вестибюль.

На обед мы опоздали. Дарья все никак не могла решить, как одеться по такому случаю. Напрасно я убеждала ее, что это всего лишь обед: привыкшая к шикарным российским тусовкам, Дашка разоделась, как на рождественский бал.

Подруга выросла в заштатном городишке под Санкт-Петербургом и всю жизнь мечтала выбраться оттуда. Ее мать сделала все, чтобы обеспечить дочери возможность учиться в Северной столице, и Дарья не хотела разочаровать родительницу. На первом курсе Инжэкона она выскочила замуж, правда, развелась через полгода, не вынеся занудства молодого супруга, но

более всего – неусыпного участия в их семейной жизни его родни. От брака у нее осталась фамилия Аветисян. С тех пор Даша побывала замужем еще несколько раз, в том числе за греческим магнатом, который оставил ее весьма богатой вдовой. Мы познакомились, когда Дарья закадрила моего двоюродного брата, на свою беду также учившегося в ее институте. Случилось это аккурат между ее разводом и вторым замужеством, и Дашка *скупала* без кавалера. Роман быстро закончился, а наша дружба осталась, и вот уже пятнадцать лет у меня нет никого ближе ее. Общение с состоятельными людьми и работа на телевидении приучили Дашку к мысли, что в любое время суток нужно выглядеть на все сто, тогда как мой белый халат скрывает огрехи гардероба, позволяя не слишком следить за модой. Я нацепила все те же белые шорты, но поменяла футболку. Расчесав щеткой зазорные короткие кудри светло-русого цвета, я решила, что вполне готова к трапезе.

Как я и предвидела, Дарья оказалась самой нарядно одетой постоялицей отеля. Столы накрыли в помещении, так как снаружи сильно припекало солнце. Здесь не оказалось привычного «шведского стола», и обслуживание производилось, как в обычном ресторане – по меню. Между столиками бодро сновали официанты.

Мы уселись у одной из колонн, подпиравших высокие своды обеденного зала. Интересно, кто из присутствующих тоже приехал на конгресс? Хорошо бы познакомиться с парочкой людей еще до того, как все начнется. Пока я рассматривала окружение и одновременно изучала меню, Дарья взглядом заправской охотницы буравила зал, пытаясь обнаружить хоть кого-то, заслуживающего внимания.

– Ты только глянь, Улька, какой *персик*, – пальчики оближешь! – услышала я ее возбужденный шепот и повернула голову.

– Вон там, – подруга слегка повела плечиком в нужную сторону.

Я мгновенно поняла, кого она имела в виду, и не могла не согласиться, что «объект» и впрямь заслуживал внимания. Рядом со столиком у окна, за которым сидела пожилая супружеская чета, стоял потрясающей красоты молодой человек. Его высокую, широкоплечую фигуру с узкой талией выгодно подчеркивал черный смокинг, а белая рубашка оттеняла смуглую гладкую кожу. Черные, слегка выющиеся волосы непослушными прядями спадали на широкий лоб, а когда он улыбался, на щеках появлялись чудесные ямочки.

– Ну, как? – с придыханием спросила Дарья.

– Супер, – согласилась я. – Только ему, наверное, не больше двадцати – просто ребенок, ты не находишь?

– Подумаешь! – фыркнула Дарья, и я вспомнила молоденького паренька, который подвозил нас до аэропорта: провожая Дашу взглядом, он едва не вывалился из своего автомобиля.

– Кроме того, он не постоялец отеля – на нем форма, если ты не заметила, – добавила я, пытаюсь найти в молодом человеке хоть какой-то недостаток. – Тебя привлекают официанты?

– Официант официанту рознь, – передернула плечами Дарья. – Кстати, его форма отличается – скорее всего, не официант, а метрдотель... Зато какой мальчик, а? Просто загляденье!

Я питаю слабость к красивым людям, но никогда не чувствовала в себе склонности к педофилии, поэтому и смотрела на молодого человека просто как на произведение искусства. Дашин восторг меня беспокоил: зная ее, я могла предположить, что она сделает все, чтобы парень оказался в ее постели в самое ближайшее время. И я несколько не сомневалась в ее способностях.

Внезапно мне пришлось отвлечься от созерцания темноволосого красавчика из-за шума за соседним столиком. Там сидела занятная пара. Худенькая, элегантно одетая девушка выглядела замученной. Напротив нее развалился полный мужчина лет тридцати пяти в шортах цвета «хаки» и широченной футболке, которая могла бы вместить полдюжины таких, как его подруга. Его щекастое лицо пылало гневом.

– Я же говорю, что мне нужно «Шардоне», а он что принес? – яростно говорил мужчина по-русски. – Скажи ему, Люсь!

– Но, котик... – тихо попыталась возразить девушка.

– Нет, ты скажи! – не унимался толстяк.

Девушка, покрасневшая, как рак, пробормотала на хорошем английском, почти не глядя на официанта:

– My husband asked for «Chardonnay», sir. (Мой муж просил «Шардоне», сэр.)

– But this is «Chardonnay», madam! – в отчаянии воскликнул официант, обливаясь потом.

– Он говорит, что принес «Шардоне», – пискнула девушка, обращаясь к своему спутнику.

– Да какое, к матери, «Шардоне»?! – рявкнул тот. – Я же просил – *красное* «Шардоне», а он притащил какую-то белую сивушную лабуду! Скажи ему, Люсь!

– My husband, – со стоном произнесла та, кого муж называл Люсей, – wanted red «Chardonnay»... (Мой муж просил красное «Шардоне»...)

– But, madam, there's no *red* «Chardonnay»... (Но, мадам, *красного* «Шардоне» не существует...) – начал было официант, и, прежде чем я успела подумать о том, что следует, наверное, объяснить соотечественнику, какие бывают вина, к столику подскочил тот самый красавчик, на которого обратила внимание Дарья. Видимо, спор между русским туристом и официантом не остался незамеченным даже в дальнем конце зала, где он до этого находился.

– Qu'est-ce qui vous ferait plaisir? (Чем могу служить?) – спросил молодой человек приятным, хорошо поставленным голосом.

– Что? – выпучил глаза соотечественник. Видимо, он еще готов был мириться со звучанием чуждого английского языка, но о существовании не менее чуждого французского просто не имел понятия!

Отчаянно жестикулируя, официант объяснил красавчику суть происходящего. Больше всего в этой ситуации я жалела жену толстяка, так как она от стыда за мужа уже не знала, куда деваться.

«Похоже, интеллигентная девушка, английским владеет, что же она делает рядом с этим бритоголовым «братком»?» – спрашивала я себя с удивлением.

Очевидно, подобные чувства эта сцена вызвала и у нашего очаровашки. Бросив беглый взгляд на несчастную, он сказал по-английски:

– Of course, sir, it's our mistake. (Разумеется, сэр, это наша ошибка.) – И, обращаясь к побелевшему официанту, произнес очень четко: – Pierre, go and bring the gentleman *red* «Chardonnay», please. (Пьер, сходите и принесите джентльмену *красное* «Шардоне», пожалуйста.)

– Mais... (Но... (*фр.*) – начал официант в ужасе от подобного приказа.

– Vite, vite! (Быстро, быстро! (*фр.*) – с угрозой в голосе поторопил красавчик, одновременно посылая лучезарную улыбку разгневанному клиенту. Тот победоносно взглянул на Люсю, всем своим видом показывая: ну, и кто был прав, *в натуре*?

– Вот это да! – давась от смеха, пробормотала Дарья. – И что же они, бедняги, станут теперь делать?

– Очень просто – принесут какое-нибудь красное вино, – пожала я плечами. – Если парень не знает, что «Шардоне» бывает только белым, то он и понятия не имеет, какое оно на вкус!

– Но как лихо вывернулся наш красавчик! – с восхищением воскликнула Дашка. – «Сейчас принесем *красное* «Шардоне», а?

– Да, молодчина, – согласилась я. – Сообразил, что с этим приятелем можно спорить до потери пульса – он все равно будет требовать свое.

– Не понимаю таких, – покачала головой Дарья. – Ну, не было у тебя родителей-аристократов, но, раз уж завелись деньжата, так научись хотя бы хорошим манерам! Не все рождаются в приличных семьях, но надо иметь мозги, чтобы выбиться в люди.

Я знала, что Даша имеет в виду себя. С семьей ей, прямо скажем, не повезло. Я вспомнила, как девушка впервые попала в наш дом и в каком пребывала шоке несколько дней после визита. Она и представить себе не могла, что люди переодеваются *к обеду*, едят не в кухне, а в столовой из фарфорового сервиза, а не из тарелок с отбитыми краями! Посмотрев, как живут интеллигенты, Дашка принялась усердно учиться. Она впитывала в себя правила хорошего тона, как губка, и я признавалась себе, что подруга оказалась прилежной ученицей. В душе Даша оставалась все той же провинциальной девчонкой из неблагополучной семьи, но никто и никогда не догадался бы об этом, глядя на эту утонченную даму. Конечно, такой она бывала только на людях. В моем присутствии или в среде коллег она могла позволить себе то, чего никогда бы не позволила в других ситуациях, – например, материться, как заправский прораб.

Наконец и к нашему столику подошел официант, чтобы принять заказ. Пока он записывал все в свою книжечку, я с облегчением увидела, что на стол соотечественников официант по имени Пьер уже принес бутылку. В ней плескалась темно-красная жидкость. Сосуд был обернут белым полотенцем, и я могла поклясться, что на этикетке под ним написано «Мерло». Тем не менее муж Люси не сомневался в том, что принесли именно его заказ.

Дашка вся извертелась, блуждая взглядом по залу в поисках красавца метрдотеля, но тщетно: он словно испарился. Я боялась, что у подруги может случиться заворот кишок, если она продолжит крутиться во время еды. Мы разделались с первым блюдом и приступили ко второму, как вдруг я услышала знакомый голос с акцентом:

– Heu, here you are, Ula! (А, вот и вы, Ула!)

У столика стоял человек, с которым мы познакомились на скале.

– Это кто? – спросила Даша, едва не выронив вилку.

– Филипп де Кассар, – сказала я. – Мы встретились несколько часов назад.

– Ты тут вовсю знакомишься с мужиками, а мне делаешь замечания! – возмущенно прошипела Дарья, ослепительно улыбаясь месье де Кассару.

– Кто ваша милая спутница? – поинтересовался мужчина.

– Познакомьтесь, моя подруга Даша.

– Je suis ravi (очарован. *(фр)*), – произнес месье де Кассар и склонился над Дашиной рукой, запечатлев на ней легкий поцелуй.

– Могу ли я к вам присоединиться? – спросил мой новый знакомый, и мы одновременно кивнули. Не успел месье де Кассар сесть, как к нам тут же подскочил официант.

– Гляди, – тихо заметила Даша, – а нам пришлось ждать почти десять минут!

Официант быстро залопотал по-французски. Месье де Кассар сказал несколько слов, и он исчез. Внезапно подняв глаза, я увидела, что по направлению к нам идет красивый метрдотель. Подойдя, юноша облокотился о стул, на котором спиной к нему сидел Филипп де Кассар, и легонько похлопал мужчину по плечу. Тот обернулся.

– А, это ты, малыш, – мягко сказал он и, обращаясь к нам с Дашей, произнес: – Знакомьтесь, дамы, – мой внук Робер.

Я спустила ноги с постели и посмотрела на часы. Они показывали половину третьего ночи. Стояла невыносимая духота: кондиционер за день превратил номер в холодильник, и, ложась спать, Даша выключила его. Теперь же помещение напоминало душегубку, и я нажала на кнопку, врубив прибор на полную мощность. Потом я босиком прошла к балкону и, прикрыв за собой дверь, подставила ночному ветру пылающее лицо.

Предыдущий день был наполнен событиями. Во-первых, месье де Кассар оказался не кем-нибудь, а владельцем «Сан-Эльмо», а его внук Робер и в самом деле работал здесь метр-

дотелем. Он учился в Сорбонне, а летом приезжал к деду, чтобы набраться опыта в гостиничном бизнесе.

После обеда мы встретились с Кристиной, и я получила программу мероприятий конгресса. Выяснилось, что они начинаются в десять часов утра с перерывом на ланч около часа, после чего продолжают до обеда. После четырех мы были полностью свободны и могли заниматься чем заблагорассудится. Такой распорядок дня меня более чем устраивал, хотя Дарья, прочитав расписание, тут же принялась вслух страдать, что большую часть времени ей придется проводить в одиночестве. Честно признаюсь, я в этом сильно сомневалась: Дашка ни в каком обществе не остается одна более пятнадцати минут и здесь уж точно не растеряется!

Затем мы отправились в гостиную, где в этот час царило оживление. Небольшой оркестр играл легкую классическую музыку, а постояльцы слушали и беседовали вполголоса. Некоторые, усевшись в глубине зала, играли в карты. Большинство проживающих в «Сан-Эльмо» относились к старшей возрастной категории и представляли собой состоятельных пожилых супругов. И еще: среди постояльцев совсем не было детей. Мне удалось познакомиться с приятной парой средних лет. Муж, как и я, приехал на конгресс, а жена сопровождала его. Звали их Жерар и Моник Варен. Позже к нам подседа еще одна пара, гораздо более пожилая. Они оказались вовсе не мужем и женой, а просто одинокими постояльцами, познакомившимися здесь. Этих симпатичных людей звали мадам Лили Фернан и мистер Джон Риддл. Она – бельгийка, он – англичанин. Риддл оказался кардиологом, а вот мадам Фернан не имела отношения к конгрессу и просто приятно проводила здесь время. Тогда как я получала удовольствие от общения, Даша скучала: ее привлекала компания гораздо более молодых и менее серьезных людей.

...В вышине ярко сияла луна, а небо было усыпано звездами. Но не только звезды освещали территорию «Сан-Эльмо». В башне напротив балкона, где я стояла, горел яркий свет. Ни одно другое окно отеля не было освещено. Интересно, это месье де Кассар не спит так поздно?

Башни замка туристами не посещались. Еще днем я заметила надписи, сделанные на английском языке, подвешенные на канатах, перекрывающих подьемы вверх, и гласящие: «NO TRESSPASSING» («Проход воспрещен»). Вероятно, там располагалась жилая территория хозяев.

Наблюдая за окном в башне, я заметила, что в помещении находится не один человек. Время от времени то одна, то другая фигура заслоняли свет, и я насчитала по крайней мере четверых.

Через несколько минут свет погас. Я уже собралась вернуться в постель, как вдруг дверь напротив распахнулась. Секундой позже на подвесной мост, соединяющий две башни замка, друг за другом вышла группа из десятка человек.

Я вжалась в стену, чтобы остаться незамеченной, но не смогла заставить себя уйти. В темноте трудно было разглядеть лица, но не этих ли людей я видела на парковке, когда прогуливалась в саду?

Последним башню покидал человек, державший в руке большой квадратный фонарь. Мне показалось, что я узнала его, хотя, возможно, и ошиблась. Процессия двинулась в направлении второй башни.

На пляж мы рванули ни свет ни заря. Накануне я поставила будильник на полседьмого, чтобы иметь достаточно времени до начала первого семинара. Когда мы вернулись, народ собиравшийся на завтрак. У лифта мы столкнулись с мадам Фернан, которая почему-то выглядела озабоченной. При виде нас лицо ее просветлело.

– А, девочки! – радостно воскликнула она. – Уже искупались? Вы, случайно, не видели месье Риддла? Обычно он спускается к завтраку одним из первых, но сегодня я пришла, а его еще нет.

– Может, он в своем номере? – предположила я, чувствуя, что время поджигает и я могу не успеть позавтракать.

– Я только что оттуда – на стук никто не отвечает.

– А вы не спрашивали у портье, может, он уже вышел? – поинтересовалась Даша.

– Ах, ну какая же вы умница! – восхищенно вскричала мадам Лили в ответ на Дашин вопрос. – Ну, конечно, надо спросить у портье!

Мы вместе пересекли холл и подошли к стойке администрации. Молодая женщина, поднявшаяся с улыбкой навстречу, покачала головой, услышав о Джоне Ридdle из двести первого номера.

– Нет, я не видела, чтобы он выходил, – сказала она. – Правда, я отлучалась минут на десять, но ключа нет, вы видите, – она показала на бокс под стеклом, где висели на гвоздиках ключи от комнат. – Конечно, он мог взять его с собой, хотя мы и просим наших гостей этого не делать во избежание потери.

Поблагодарив портье, мы отошли.

– Возможно, он в самом деле вышел, взяв с собой ключ, – сказала я. – Вы подождите, мадам Фернан, он еще появится.

– Наверное, вы правы, и я зря паникую, – вздохнула пожилая дама. – Но, видите ли, я волнуюсь: в нашем возрасте всякое может произойти, сами понимаете!

– Вот именно, – пробубнила Даша, когда дверь лифта за нами захлопнулась. – В таком возрасте не следует мотаться по курортам, да еще таким, где нормальная температура тридцать-сорок градусов жары. Дома надо сидеть!

Я знала, что Даша вовсе не злая, просто она чувствовала разочарование, так и не встретив нигде красавца метрдотеля.

Первый день конгресса меня порадовал. Я привыкла к долгой и скучной говорильне на такого рода мероприятиях – в России это в порядке вещей: много слов и мало дела. Здесь все оказалось иначе. Большая часть времени была посвящена разбору реальных случаев патологий с демонстрацией видеозаписей. Выступающие, сплошь светила медицины, чьи статьи я только читала в медицинских журналах, наяву рассказывали о своем опыте в кардиохирургии и последних нововведениях. Рядом со мной сидел тот самый приятный врач, Жерар Варен, с которым мы накануне познакомились. В перерывах он развлекал меня анекдотами и рассказами о тех участниках конгресса, которых знал лично.

Во время ланча к нам с Дашкой снова подошла мадам Фернан. Весьма не вовремя, надо сказать: подруга горела желанием что-то мне поведать, но пришлось отложить удовольствие из-за пожилой дамы.

– Представляете, девочки, он так и не объявился! – огорченно воскликнула бельгийка. – Я уж не знаю, что и думать.

С трудом я сообразила, что она говорит о Джоне Ридdle.

– Не иначе, нашел себе другую бабушку, – тихо хихикнула Дарья, но, заметив мой осуждающий взгляд, уткнулась в свою тарелку. Странное дело, а ведь я тоже не видела англичанина в аудитории, хотя вчера он говорил, что приехал на конгресс. Конечно, мистер Ридdle – человек немолодой и уже некоторое время не практикует как хирург. Возможно, он решил, что не вся повестка дня ему интересна, и появится позже?

– Присаживайтесь, мадам, – пригласила я мадам Фернан, стараясь не глядеть на Дарью, скорчившую при этом «козью морду» за спиной у пожилой дамы. – Поешьте с нами, а потом мы попытаемся найти мистера Ридdle.

Мадам Фернан с благодарностью приняла предложение.

– Зовите меня Лили, если не возражаете, – попросила она. – Приставка «мадам» заставляет меня чувствовать себя столетней старухой, а я тешу себя надеждой, что песок из меня еще не сыплется!

Закончив с трапезой, я взглянула на часы и увидела, что у меня еще остается время в запасе.

– Что ж, не навестить ли мистера Риддла?

Идя по длинному коридору, за одной из дверей в служебное помещение мы услышали громкий, возмущенный голос, судя по выговору, определенно принадлежащий месье Филиппу де Кассару:

– I've warned you a hundred times to *never* come here again! Damn you, James, get out of my face if you don't want to suffer the consequences! (Я сто раз предупреждал тебя больше *никогда* не появляться здесь! Черт тебя подери, убирайся с глаз моих, если не хочешь пострадать от последствий своего поведения!)

Второго голоса слышно не было: наверное, собеседник месье де Кассара оказался куда менее эмоциональным и говорил очень тихо. Лили тоже наострила уши, проходя мимо двери, но ничего не сказала. Вряд ли она могла узнать голос хозяина «Сан-Эльмо», ведь они не были знакомы. Однако на лице пожилой дамы отразилось неодобрение в адрес того, кто позволял себе изъясняться столь грубым языком.

Мы завернули за угол и оказались у двери мистера Риддла, на ручке которой болталась табличка с надписью «Не беспокоить».

– Если бы он вышел, то, наверное, снял бы табличку, – заметила Дарья.

Мадам Лили постучала, но ответа не последовало. Тогда я несколько раз изо всех сил долбанула локтем в дверь и громко позвала:

– Мистер Риддл, вы там? Ответьте, пожалуйста!

И снова за дверью тишина.

– Может, снова побеспокоить администратора? – предложила Даша.

В этот момент в конце коридора послышался звук открывающихся дверей грузового лифта, и уборщица выкатила тележку с ведрами и швабрами на красную ковровую дорожку.

– Простите, – обратилась я к женщине, – вы уже убрали в этом номере?

– Нет, – покачала она головой. – Там же табличка висит.

– А ключ у вас с собой? Не могли бы вы открыть дверь?

– Но зачем? – уборщица выглядела озадаченной. – Что-то случилось?

– Боюсь, что да, – вступила Лили. – Видите ли, мистер Риддл глотал какие-то таблетки вчера за ужином, и я беспокоюсь...

– Не уверена, что могу вам помочь, – пробормотала уборщица. – На двери табличка...

– Если у постояльца сердечный приступ, он будет нам только благодарен за излишнюю бдительность, – заговорила Даша. – Если же его нет в номере, то мы просто тихонько закроем дверь, и никто ни о чем не узнает!

Женщина топталась на месте. Долг велел ей сообщить руководству, а здравый смысл – последовать нашему совету. Наконец здравый смысл победил, и она, порывшись в бездонном кармане униформы, вытащила связку ключей.

– Вы все-таки постучите еще раз, – попросила она. – Для очистки совести.

Мы втроем заколотили в дверь. Безрезультатно. Тогда уборщица подошла и вставила ключ в замочную скважину. Отлично смазанная дверь бесшумно распахнулась.

– Уборка номеров! – на всякий случай громко объявила женщина.

Номер Риддла оказался совершенно таким же, как и наш, за одним-единственным исключением: окна его выходили во двор, а не на море. Глазам нашим открылась ужасающая картина. Все было перевернуто вверх дном, даже растения, украшавшие туалетный столик и подоконник, валялись на полу в земле и том, что осталось от цветочных горшков. В кровати, казалось, проходил военный парад боевой техники – в таком плачевном состоянии она находилась: матрас был сорван с каркаса, а простыни, пододеяльник и наволочки изорваны в клочья.

– Mon Dieu! – взвизгнула Лили, отступая. – Что... здесь произошло?!

Даша первой заскочила в смежное помещение и возвестила оттуда:

– Никого, но тут тоже все переворошили!

– Похоже, мистер Риддл собирался в спешке... – озадаченно пробормотала горничная.

– Ну да, собирался – и решил уничтожить все следы собственного пребывания, причем таким варварским способом? – возразила Даша, возвращаясь.

– Он не мог уехать, не попрощавшись! – уверенно заявила Лили.

– Не думаю, что он уехал.

Отодвинув занавеску, отгораживающую балкон от гостиной, я увидела, наконец, пропавшего господина. Громкий вопль, который испустила при этом мадам Фернан, мог бы поднять и мертвого. Но, совершенно очевидно, не мистера Риддла!

Англичанин лежал, уткнувшись правой щекой в каменный пол, тогда как левая щека, повернутая к нам, приобрела мертвенно-серый оттенок. Его широко раскрытые глаза, смотревшие в пустоту, вытянутые вдоль тела руки, да и вся поза указывали на то, что помощь ему уже давно не требуется. Тем не менее я пощупала артерию в слабой надежде оказаться неправой.

С резвостью, которой трудно было ожидать от женщины преклонного возраста, оттолкнув меня и Дашку, Лили ринулась к двери с воплем:

– Aidez! Aidez! Medecin! (Помогите! Помогите! Врача! (*фр.*))

Следуя за кричащей дамой, я едва не столкнулась в коридоре с месье де Кассаром, который заступил Лили дорогу с законным вопросом:

– Qu'est-ce qui est arrive? (Что случилось? (*фр.*))

Это было все, что я поняла, так как Лили обрушила на владельца «Сан-Эльмо» целую лавину французских фраз. При этом она отчаянно жестикулировала и показывала в сторону номера мистера Риддла. Завидев в дверном проеме чужой комнаты Дашу и уборщицу, все еще стоявшую с рукой, прижатой к губам и выражением ужаса на круглом, широкоскулом лице, месье де Кассар удивленно вскинул брови.

– Мадам, я ничего не понимаю, успокойтесь, наконец! – обратился он по-английски к голосящей Лили.

– Врач, месье, нам срочно нужен врач! – воскликнула мадам Фернан.

– Кажется, один из ваших постояльцев умер, мистер де Кассар, – тихо сказала я, положив руку на плечо пожилой дамы. – Врач, боюсь, не потребуется.

– Какой ужас! – воскликнул хозяин отеля. – Ну, так идемте же взглянем! – и он ринулся в сторону распахнутой двери номера. Замыкала шествие мадам Лили, продолжавшая заламывать руки и громко стенать.

Выглянув на балкон, месье де Кассар тут же отступил назад.

– Бедный Джон... – пробормотал он, вытирая платком внезапно вспотевшее лицо. – Вы же врач, Ула?

Я кивнула.

– И вы говорите, что...

– Помощь опоздала.

– Необходимо вызвать полицию, – вдруг сказала Дарья, и все взгляды обратились на нее.

– Полицию? – изумленно переспросила мадам Фернан. – Но зачем?

– Как это – зачем? – в свою очередь, удивилась Даша. – Ведь очевидно же, что его убили!

– Убили? – снова переспросила мадам Фернан, как испорченная грампластинка. И снова: – У-би-ли... – и она начала мягко оседать на пол прямо у моих ног.

– Ну, если не ему, то уж ей точно требуется врач, – пробормотал месье де Кассар. – А с чего вы взяли, Даша, что этот человек был убит?

– Посмотрите на его шею, – предложила она и, не касаясь тела, провела пальцем под подбородком покойника. – Видите?

И в самом деле, там, куда она указывала, виднелась багрово-синяя странгуляционная борозда, вероятно, оставленная удавкой.

– Видите ли, мне не хотелось бы вмешивать полицию, – нерешительно начал месье де Кассар. – Скандал, паника, вы понимаете...

– Боюсь, у нас нет выбора, – поддержала я Дашу.

– Вы, конечно же, правы, – неохотно согласился хозяин отеля. – Оставайтесь здесь, а я спущусь вниз и... все устрою.

Как только он вышел, мы принялись изучать место преступления.

– Неудивительно, что все здесь перевернуто вверх дном, – да, вряд ли он сдался без борьбы, – констатировала Даша.

Нашу беседу прервало появление хозяина отеля в сопровождении высокого светловолосого мужчины. Его загорелое лицо, с которого встревоженно глядели широко расставленные, прозрачные светло-карие глаза, я, несомненно, нашла бы привлекательным, если бы не трагичность момента. В руках он держал холщовую сумку на молнии.

– Это – месье Лиам Макфейден, – представил незнакомца Филипп. – Я столкнулся с ним в фойе, и он доктор, как и вы, Ула.

– Причем во всеоружии, – вновь прибывший потряс сумкой. – Но я не вижу, кому...

– Мадам Фернан, – быстро сказала Даша, указывая на сидящую в углу бельгийку. – Ей нужно что-нибудь успокоительное.

Присев на корточки перед Лили, Макфейден пощупал ее пульс. Расстегнув сумку, он достал оттуда портативный тонометр и быстро померил пожилой женщине давление.

– Пожалуй, лучше отвести даму в ее комнату, – сказал он. – Там она придет в себя гораздо быстрее, чем в помещении с трупом.

Я сочла это предложение разумным. Подхватив мадам Фернан, доктор осторожно повел ее в номер, расположенный на четвертом этаже. Даша и месье де Кассар остались дожидаться приезда полиции, а мне пришлось бежать со всех ног, чтобы не опоздать на вторую часть семинара.

В свой номер я вернулась абсолютно измотанная. Часы показывали начало пятого, и пора было спускаться к обеду, однако я не чувствовала в себе сил принимать душ и переодеваться. Единственное, о чем я мечтала, была мягкая кровать, на которой я и растянулась во весь рост, сбросив туфли.

Семинар прошел почти впустую: мысли о бедном убитом старом джентльмене занимали меня гораздо больше, чем все происходящее в аудитории. Я ловила себя на том, что то и дело отключаюсь, мысленно уносясь в двести первый номер и пытаюсь понять, кому могло понадобиться убивать этого безобидного человека. Интересно, что месье де Кассару, похоже, действительно удалось проверить дело с полицией по-тихому: я не видела ни одного человека в форме на территории отеля, хотя для того, чтобы попасть в крыло, где проходил конгресс, пришлось пересечь весь периметр гостиничного комплекса. Может, вопреки правилам, он все же решил обойтись без участия полицейских? С одной стороны, можно понять, что хозяин отеля не желает обнародовать печальный факт смерти постояльца – тем более насильственной. Но с другой – я не могла отделаться от мысли, что де Кассар боится полиции больше, чем таинственного убийцы. И он назвал Риддла по имени – я точно это помню! Он сказал: «Бедный Джон...» Значит, де Кассар и Риддл знакомы? Но ведь последний заселился в отель в тот же день, что и мы (в отличие от мадам Фернан, которая уже некоторое время здесь отдыхала). Может ли быть, что ныне покойный успел свести близкое знакомство с де Кассаром за столь короткий срок? Правда, он и со мной успел познакомиться, однако трудно представить, чтобы столь занятой человек только этим и занимался... А вот лицо мадам Фернан было ему совершенно незнакомо – я готова была поклясться! Сидя в конференц-зале, я ожидала прихода

Макфейдена, но он так и не появился: видимо, мадам Фернан полностью завладела вниманием доктора. Но почему я, собственно, решила, что Лиам Макфейден – кардиолог? Де Кассар сказал, что он – врач, но какой именно специализации, не упоминал... И зачем он вообще притащил этого парня, ведь знал же, что я и сама медик?

Хлопнула дверь, и Дашка влетела в мою комнату.

– Отлеживаешь бока? – спросила она, скидывая сандалии и плюхаясь на кровать рядом со мной.

– Устала как собака, – прохныкала я.

– Что, и на обед не пойдешь? – нахмурилась подруга.

– Наверное...

– Нетушки! – потрянула кудряшками Даша. – Ну-ка, поднимайся, дуй в ванную и приводи себя в порядок. А я расскажу тебе, как провела время.

Я слишком хорошо знаю подружку, чтобы надеяться, что она от меня отстанет. Со стоном поднявшись, я поплелась в ванную комнату, а она юркнула вслед за мной. Ванная была просторной, и душевая кабина занимала всего треть помещения. Усевшись на стул, Дарья принялась трещать, рассказывая о том, как ее и мадам Фернан допрашивал полицейский в штатском. (Кстати, он оказался настолько мил, что пригласил Дарью выпить с ним кофе, а потом покатал по городку в своей машине, показывая достопримечательности.) Вот чем, оказывается, занимаются «милые мальтийские полицейские» в свое, между прочим, служебное время! Конечно, перед чарами Дашки не устоял бы и монах, поэтому особо удивляться не приходилось.

– А Макфейдена тоже допрашивали? – как бы между прочим спросила я.

– Нет. Он куда-то исчез, как только разобрался с Лили... Да и что он мог пояснить по делу, ведь пришел-то уже после нас?

– Верно, – согласилась я и, выключив воду, ступила на кафельный пол. Дашка протянула мне полотенце и добавила со странно заговорщицким видом:

– Кстати, я кое-что обнаружила до того, как приехала полиция, и все там прошерстила.

– Неужели? – без особого интереса спросила я.

Она разжала кулачок. На ее ладони лежал большой перстень. Он представлял собой широкий золотой обод с вставленным в него крупным рубином. Сверху и по бокам рубин обрамлял выпуклый узор, чем-то напоминающий лепестки клевера, только не закругленные, а острые. Этот узор показался мне похожим на восьмиконечный мальтийский крест, но тогда у него явно не хватало половины. В целом я не назвала бы данное ювелирное украшение красивым: кольцо было массивным и, очевидно, дорогим, но и только.

– Откуда ты это взяла? – требовательно спросила я.

– Мистеру Риддлу, насколько я понимаю, оно больше не понадобится?

– Ты... ты обокрала покойника?

– Да ты что! – воскликнула Даша. – Мародером меня считаешь? Спасибо, вот не ожидала от тебя! Кольцо закатилось в щель между перилами балкона и полом. Еще бы чуть-чуть, и оно могло упасть вниз, во двор. Там его обязательно нашел бы кто-нибудь из служащих и непременно оставил себе.

– А ты, что же, собираешься передать его в музей? – с издевкой спросила я.

– Я, дорогуша, собираюсь выяснить, что это за колечко. Смотри сюда.

Дарья включила лампу, поднесла к ней перстень, и я смогла прочесть следующее: «IGNI ET FERRO».

– «Огнем и мечом», – перевела я латинскую надпись.

– Согласись, фразочка не самая расхожая для того, чтобы чеканить ее на ювелирном украшении? – торжествуя, заметила подруга.

– Мне кажется, нужно отдать это нашему хозяину.

– Де Кассару? Еще чего! – возмутилась Дашка.

– Что ты предлагаешь?

– Сегодня – уже ничего. Будем отдыхать, а вот завтра, прямо с утречка, мы с тобой едем в Валетту.

– Я не могу в Валетту, у меня же конгресс!

– Тогда я поеду одна, – вздернув голову, заявила Дарья. – Подумаешь!

– Слушай, зачем тебе туда?

– Пробежусь по ювелирным магазинам.

Я издала вздох облегчения, решив, что неправильно поняла подругу и она просто решила заняться обычной туристической ерундой. Однако Даша не замедлила продолжить:

– Там и выясню, что это за штуковина!

К обеду мы спускались в молчании, недовольные друг другом, и, честно говоря, я не горела желанием оказаться в компании малознакомых людей, надеясь поесть в тишине. Моему желанию не суждено было осуществиться: едва мы вошли в обеденный зал, как две руки, почти одновременно взвившиеся вверх, привлекли наше внимание. Это оказались мадам Фернан и Моник Варен, приглашающие нас за свой столик. Подавив вздох, я нацепила на лицо дружескую улыбку и, сопровождаемая Дарьей, продефилировала по проходу к ним.

– Ужас, да? – обратилась ко мне Моник, не успела я присесть.

– Вы о чем?

– Да об убийстве несчастного месье Риддла, конечно же! Лили сказала, что вы были первыми, кто его обнаружил? Представляю, что вам пришлось пережить!

Значит, болтливая мадам Фернан уже все им рассказала – не зря де Кассар боялся огласки! Все его ухищрения с полицейскими в штатском не помогли, потому что среди постояльцев отеля достаточно глаз, ушей и широко открытых ртов.

– Думаю, многие захотят съехать, как только узнают, – заметил Жерар. – Мы, со своей стороны, никому ни слова не скажем, но вы же знаете, как быстро распространяются слухи!

Да уж, особенно при деятельном сотрудничестве некоторых особо активных лиц. Я бросила укоризненный взгляд на Лили, но она сделала вид, что не поняла меня.

– А вот хозяин отеля утверждает, что Джон Риддл съехал, – вновь заговорила Моник. – Когда я случайно столкнулась с ним в фойе и поинтересовалась Джоном, – это было еще до того, как мы поговорили с Лили, – он ответил именно так!

– Его можно понять, дорогая, – вздохнул Жерар. – Кому понравится, когда в его доме происходит такое жестокое, немотивированное убийство?

– Действительно! – поддакнула мадам Фернан. – Кто и за что мог расправиться с таким милым, пожилым месье?

– Его же ограбили, разве нет? – уточнила Моник. – Лили сказала...

– О да, в номере такой беспорядок – просто ужас! – прервала ее мадам Фернан, сверкая глазами – видимо, оттого, что вновь получила возможность завладеть всеобщим вниманием. – Такое впечатление, что убийца что-то искал!

– Интересно, что? – задал вопрос Жерар, откидываясь на спинку стула. Он выглядел не слишком заинтересованным, лишь из вежливости поддерживая разговор. Дашу также мало занимало происходящее за столом: она все рыскала глазами по огромному обеденному залу в поисках Робера де Кассара, а потому едва реагировала на реплики собеседников.

– Может, деньги? – высказала я предположение.

– Бросьте, Ула! – отмахнулась Моник. – Месье Риддл был далеко не самым богатым человеком в этом отеле!

– А что, если всем нам теперь грозит опасность? – испуганно спросила Лили. – Вдруг в этих местах завелись воры и бандиты, которые не остановятся перед душегубством?

– Не надо паники, Лили, – мягко отозвался Жерар. – Вы не допускаете мысли, что Джона просто... с кем-то перепутали?

– То есть хотели убить другого? – уточнила я.

– Ну да, – пожал плечами Варен. – Или он считал Риддла более состоятельным... А, черт, давайте сменим эту тему, а то у меня аппетит пропадает!

Немудрено, ведь это – нормальная человеческая реакция на трагическое происшествие. Я и сама сомневалась, что смогу проглотить хоть кусочек, однако к тому времени, когда к нам подошел официант, успела передумать. Человеческое тело – странный механизм. Мы, врачи, думаем, что досконально изучили его работу, и все же порой мне приходит в голову, что я совершенно не в курсе, как именно оно функционирует.

Неуемная разговорчивость мадам Фернан имела и свои положительные стороны: с ее помощью мы узнавали все сплетни и новости, а также получали подробную информацию об общих знакомых – к примеру, о чете Варен, которые, признаться, меня заинтересовали. Беседуя с Моник, пожилой даме удалось вытянуть из нее почти всю подноготную семьи. Оказывается, Жерар Варен женился на Моник, когда ей уже стукнуло сорок. До того времени она развлекалась и занималась построением «карьеры». Ее отец-миллионер, владеющий большой компанией морских грузоперевозок в Марселе, купил дочери парочку глянцевого журналов, где она и упражнялась в менеджменте, так как в юности окончила соответствующий факультет в университете. К сорока годам Моник нагулялась и принялась озираться по сторонам в поисках достойного кандидата в мужья. Как раз тогда ее отцу потребовалось аортокоронарное шунтирование, так они и познакомились с Жераром Вареном. После короткого, но головокружительного романа он сделал предложение. Отец не возражал, считая кардиохирурга неплохой партией для дочки с высокими запросами и большими деньгами. Лили считала, что Варен неплохо устроился: после смерти отца Моник унаследовала огромное состояние. Всеми делами занимались управляющие, она лишь стригла купоны и работала в журналах в свое удовольствие, а Жерар получил возможность жить в роскоши, которой раньше не мог себе позволить, несмотря на достаточно высокий для среднего француза доход.

– Этот брак держится только на деньгах, – доверительно склонившись к моему уху, заметила Лили, когда Варены удалились в свой номер. – Во всяком случае, с *его* стороны.

– Почему вы так считаете? – удивилась я, ведь пара казалась мне вполне благополучной.

– Да потому, что месье слишком часто поглядывает на сторону! Вы, конечно, заняты и не проводите много времени среди постояльцев отеля, но я-то целыми днями сижу у бассейна и имею возможность наблюдать, как этот господин ведет себя с женщинами: да он прямо-таки облизывается, глядя по сторонам. Жерар на семь лет младше Моник, но это же не повод позволять себе вольности – особенно когда жена поблизости!

Чего уж говорить, Моник хоть и милая женщина, но далеко не первой молодости, да и красотой не блещет. Зато она умна, образованна и начитанна, и с ней всегда можно найти интересную тему для разговора. По моему мнению, в браке должно присутствовать нечто большее, чем простое физическое влечение. Полагаю, в союзе Варенов это было, ведь они прожили вместе больше десяти лет.

Как я и думала, история с убийством не осталась достоянием лишь нескольких посвященных, и к вечеру весь отель знал, что произошло. Несмотря на некоторое волнение среди постояльцев, никто из них не пожелал съехать. Полиция провела расследование и остановилась на версии ограбления – все на это указывало. Из комнаты Риддла пропал бумажник, а также несколько других ценных вещей, заявленных в его таможенной декларации. В связи с таким поворотом событий Филипп де Кассар в тот же день увеличил штат охраны за счет специально нанятых представителей охранного агентства, которым вменялось в обязанность день и ночь патрулировать территорию гостиницы. Под такой охраной мы должны были чувствовать себя в полной безопасности.

После обеда мы с Моник и Лили договорились сходить на пляж. Даша отказалась, намекнув, что у нее имеются более интересные дела, чем валяться на песочке с двумя немолодыми

особами. Я не стала ее расспрашивать – захочет, сама расскажет. Даша обожает напускать на себя таинственный вид и заставлять умолять рассказать «секрет». Я не собиралась доставлять ей такого удовольствия, зная, что подруга непременно выложит все, как только будет что рассказать, – ей ни за что не удержать язык за зубами. Пока я собирала пляжные принадлежности, Даша переоделась в короткое платье и, нанеся легкий макияж, повернулась ко мне.

– Как думаешь, в этом я *достаточно* молодо выгляжу? – поинтересовалась она, отлично зная, что от нее просто глаз не оторвать. Тем не менее я ответила как можно равнодушнее:

– Это смотря кому ты хочешь соответствовать.

И тут же пожалела о сказанном, поймав в зеркале ее обиженный взгляд.

– Ты же знаешь, что хороша в любом наряде, – добавила я тут же, и счастливая улыбка вернулась на Дашино лицо. Чмокнув меня в щеку, она выпорхнула за дверь, оставив после себя легкий аромат жасмина.

Дашка оказывает на представителей мужского пола магнетическое воздействие. Они тут же теряют всяческое соображение и принимаются увиваться вокруг нее, как змеи вокруг факира. Бедняга Робер, очевидно, не стал исключением. Или, может, еще кто-то пал ее жертвой? Господи, надеюсь, что это не Жерар Варен!

Открыв глаза, я села на кровати, сама не понимая, что заставило меня так резко проснуться. Телевизор работал, но на экране была сплошная рябь. Я нажала кнопку на пульте и взглянула на часы. Стрелки часов застыли на десяти минутах третьего ночи, а Дарья еще не появилась. Интересно, куда можно пойти с молодым человеком в такое время на острове, где все увеселительные заведения закрываются до полуночи?

Поднявшись с постели, я нацепила халат и подошла к окну. За ним царила непроглядная мальтийская ночь, лишь кое-где разрываемая тусклым светом фонарей. Впереди, за выстроившимися вдоль скалистого берега эвкалиптами, чернело море. Я машинально взглянула на башню, где в предыдущую ночь видела странную процессию. Сегодня подвесной мост был пуст, и свет в окне башни не горел.

И тут я заметила человека. Он шел, воровато оглядываясь, по направлению к нашему корпусу откуда-то из служебной части главного здания. В темноте я не могла разглядеть его лица, но видела, что он высокого роста, крепкого телосложения и, судя по легкой и твердой походке, достаточно молод.

Человек пересек дворик, отделяющий основное здание от корпуса, где находилась я, оглянулся в последний раз и вошел внутрь. Естественно, я не могла оставаться безучастной к происходящему. В отеле что-то нечисто! Выглянула в коридор – ни души. Стояла мертвая тишина, и я сообразила, что неизвестный не стал пользоваться лифтом, чтобы не поднимать шума. Подойдя к лифтовой площадке, я прислушалась. Через несколько секунд снизу послышались тихие шаги – там, где располагался номер покойного Риддла.

Сняв тапки, я, неслышно ступая по устланной ковром лестнице, спустилась вниз. Заглянув за угол, поняла, что была права: лента с надписью «DO NOT CROSS» («Проход воспрещен»), которой полицейские оклеили дверь в номер Риддла, оказалась сорванной. Под ней я заметила желтые блики. Судя по всему, неизвестный злоумышленник шарил в пустом номере при свете карманного фонарика. Неужели он надеялся там что-то обнаружить после тщательного обыска? По словам Даши, полицейские ощупали каждый сантиметр в поисках улик.

Я простояла около лифтовой площадки минут пятнадцать, когда вдруг дверь тихонько приоткрылась. Я отпрянула в тень, но человек, учинивший повторный обыск в номере Риддла, не торопился уходить. Заглянув за угол, я увидела, что он приклеивает обратно полицейскую ленту. Я сгорала от желания увидеть его лицо, но понимала, что дольше оставаться здесь опасно: ночной «гость», если он замешан в убийстве Риддла, не остановится еще перед одним.

Поэтому я все так же, босиком, поднялась на свой этаж и простояла у двери нашего с Дашей номера, пока не услышала удаляющиеся шаги.

Даша удобно расположилась в кресле огромной гостиной, из-под опущенных ресниц с удовольствием наблюдая за Робером, наполняющим бокалы игристым португальским вином. Это были личные апартаменты хозяев отеля, куда не допускали туристов, а Дарья удостоилась чести оказаться здесь.

Сначала они посидели внизу, в обеденном зале, пока официанты убирали со столов и наводили порядок после ужина. Робер играл на большом коричневом рояле, и Даша убедилась, что привлекательная внешность – не единственное достоинство ее молодого кавалера. Потом они пошли гулять вдоль берега моря, и Робер рассказывал ей об учебе в Сорбонне и о своей семье. Отец его погиб в автокатастрофе, когда парню едва исполнилось двенадцать лет, а мать проживала в Швейцарии, выйдя замуж вторично. Робер навещал ее пару раз в году, но с гораздо большим удовольствием он бывал на Мальте, у деда. В будущем, после окончания университета, он намеревался поселиться здесь и принять на себя управление отелем, как и хотел Филипп де Кассар.

Даша тоже поведала юноше о своей жизни, не вдаваясь в подробности о неудачных замужествах: Робер казался очаровательным мальчиком, и она не хотела лишний раз травмировать его душещипательными рассказами о бурно проведенной молодости. Кроме того, он должен был пребывать в полной уверенности, что Дарья *двадцать шесть* лет!

Теперь они находились в гостиной хозяйской части замка, где все напоминало о старых временах, – большой мраморный камин, в котором в столь жаркую ночь не было необходимости, старинные гобелены с изображениями рыцарей и тяжелые бронзовые канделябры на стенах. У входа в гостиную стояли рыцарские доспехи. Они выглядели настолько натурально, что в темноте Дарья несомненно приняла бы их за живого человека и до смерти испугалась. Над камином висели образцы всевозможного холодного оружия – от тяжелых мечей до изогнутых османских сабель.

Робер был немножко пьян, но это ничуть не умаляло его очарования.

Заново наполнив высокие серебряные бокалы, молодой человек поднес один из них Даше и опустился в соседнее кресло.

– Кто это? – пригубив вино, спросила она, указывая на портрет высокого, худого мужчины в черном плаще с белым восьмиконечным крестом, висевший над камином.

– Великий Магистр ордена госпитальеров, Филипп Вилльер Дель иль Адам, – ответил молодой человек.

– Что это за орден госпитальеров? – поинтересовалась Даша.

– Другое название ордена рыцарей Святого Иоанна, «братьев милосердия»... О них написано в путеводителе.

– Я принципиально не читаю путеводителей, расскажи мне! – потребовала Дарья, откидываясь на спинку мягкого кресла и устремляя свои восхитительные зеленые глаза на Робера.

– Я не самый лучший рассказчик, знаешь ли, – смутился юноша, но тем не менее продолжал: – Есть легенда, что во время палестинской кампании, в начале одиннадцатого века, в Иерусалим прибыли девять рыцарей. Они увидели, какая разруха, голод и болезни царят в городе, а также были наслышаны о бандитах, нападающих на паломников. И тогда эти девять рыцарей решили основать госпиталь для нуждающихся в помощи и убежище. Они принимали к себе всех, независимо от сословной принадлежности и вероисповедания, и ухаживали за ними, как за своими братьями. Даже самый нищий и убогий мог получить кров, пищу и лечение. Потом было принято решение основать орден Госпитальеров под покровительством святого Иоанна Крестителя, и первым магистром стал Жерар де Саксо. Дель иль Адам был тем самым главой ордена, при котором рыцари перебрались на Мальту после того, как их вытес-

нили османы с предыдущей базы на Родосе. Местные жители прозвали их братьями милосердия.

– Ты знаешь по именам всех магистров? – изумленно спросила Даша.

– Только тех, кто чем-то отличился, – успокоил ее Робер. – Дель иль Адам считается родоначальником Мальтийского ордена. Хочешь посмотреть галерею? – вдруг оживился молодой человек и вскочил, схватив подсвечник. Даша, заинтригованная, последовала за ним.

– Коридоры не электрифицированы – слишком дорого. Нет никакого смысла подсвечивать помещения, куда редко заходят, – говорил Робер, ведя Дарью по запутанным закоулкам замка мимо бесконечного множества дверей и лестниц. Наконец они вошли в длинный зал, конца которому Даша не видела. Робер поднял подсвечник повыше, и ее взору открылось удивительное зрелище. Все стены по обе стороны оказались увешаны картинами в тяжелых золоченых рамах. На каждом из холстов были изображены мужчины при полном боевом вооружении в черных плащах с белым восьмиконечным крестом.

Робер быстро прошелся вдоль зала, зажигая свечи в канделябрах, стоявших под некоторыми из картин, от своей. В зале стало чуть светлее, и причудливые тени пламени заплясали на высоком потолке и одеждах давно умерших людей, заставляя их казаться почти живыми. Ощущение было столь реальным, что Даша поежилась: ей почудилось, что человек, изображенный на портрете, возле которого она стояла, пристально смотрит на нее!

Она медленно двигалась по залу, рассматривая холсты, пока Робер выстреливал именами людей, изображенных на них: Пьетро дель Понте, Хуан де Хомедес, Пьетро дель Монте, Жан Паризо де ла Валетт...

– И это все – Великие Магистры? – тихо спросила Дарья, оборачиваясь к Роберу.

– Не только, – ответил он. – Здесь есть и так называемые «поручики» Великих Магистров, и просто люди, имеющие отношение к ордену – например, донаты.

– Кто?

– Донаты, – повторил молодой человек. – Так называются люди, которые сами не являются членами ордена, но поддерживают его, в том числе и материально.

– Называются или назывались? – быстро спросила Даша.

– Что? – не понял Робер.

– Ну, ты сказал, *называются*, в настоящем времени. Разве орден не прекратил свое существование, как написано в путеводителе?

– Ты же не читаешь путеводителей? – парировал ее спутник, и Дарья поняла, что он не настолько пьян, как она представляла.

В этот момент они подошли к висящему отдельно в конце зала портрету молодого мужчины с русыми волосами и бородой, обрамляющими красивое, волевое лицо с треугольным подбородком, резко выступающими скулами и широким покатым лбом. Даше вдруг подумалось, что она, похоже, где-то уже видела эту картину, настолько знакомой ей показалась внешность этого человека.

– А это кто? – спросила Даша, не отрывая взгляда от портрета.

– Точно не знаю, – покачал головой Робер, и Даша поняла, что он не лукавит. – Вроде бы он – современник Дель иль Адама, но к членам ордена точно не принадлежал.

– Интересное лицо, – задумчиво протянула Даша.

– Правда? – усмехнулся Робер.

– С другой стороны, – продолжала Дарья, – рядом со мной *живой* красавчик, так зачем бы интересоваться покойником?

Робер, вероятно, ожидал этого прозрачно завуалированного приглашения. Он поставил подсвечник на один из выступов стены зала и, схватив ее хрупкую фигурку своими большими, сильными руками, откинул Дашину голову назад и впился губами в ее рот. Она не ожидала столь стремительной атаки, но эта грубость в обращении даже понравилась ей. Даша не любила,

когда мужчина слишком долго миндальничал, не зная, что делать с женщиной. Что ж, молодого де Кассара невозможно в этом обвинить!

Сорок минут спустя Даша поднялась с пола галереи и поежилась: несмотря на толстый ковер, она промерзла до костей.

– Эй, Робер, – пробормотала она, облизнув пересохшие губы. – Кажется, мы плохо себя вели!

– Ты хочешь, чтобы я тебя наказал? – спросил он, сверкая глазами.

Глядя на его гибкое загорелое тело, казалось, состоявшее из одних мускулов, Даша почувствовала почти непреодолимое желание сказать «да». Однако холод оказался сильнее.

– Это подождет. Пойдем в гостиную, я замерзла.

Робер поднял с пола свою одежду, которую Даша совсем недавно безжалостно сорвала с него, не обращая внимания на пуговицы.

– Пропала рубашка, – хихикнул молодой человек, демонстрируя ей безнадежно порванный предмет гардероба.

– Ты гораздо лучше выглядишь без нее, – успокоила его Дарья.

– Тогда я, возможно, так и пойду на работу с утра? – предположил юноша, на что Даша ревниво сказала:

– Только посмей! – И тут же подумала о другом. – Представляешь, что сказал бы твой дед, застав нас здесь в тот самый момент...

– Не волнуйся, – улыбнулся Робер, снова беря в руку подсвечник. – Дед уже десятый сон видит в такое время.

Он потушил все свечи, кроме принесенной из гостиной, и они двинулись в обратный путь. Прежде чем выйти из галереи, Даша обратила внимание на макет корабля, не замеченный при входе, так как тогда Робер еще не зажег свечи в канделябрах. Тогда все ее внимание было приковано к тому, что на стенах, а не к тому, что находилось возле двери. На борту судна красовалась надпись, сделанная латинскими буквами: «Santa-Maria».

– Робер, – позвала Даша, и молодой человек притормозил. – Почему этот корабль стоит здесь?

– «Санта-Мария»? – Робер, казалось, был в затруднении. – Она погибла во время Второй мировой, в сорок втором году, – закончил он фразу. – «Санта-Мария» входила в состав конвоя, отправленного на Мальту для доставки топлива и провизии, когда ее защитники оказались в кольце блокады. Конвой достиг порта благополучно – все корабли, кроме этого. А теперь пошли, а то у тебя мурашки, – и он нежно провел ладонью по ее руке, и впрямь покрытой гусиной кожей.

Во время утреннего купания Дарья рассказала мне о своем свидании со всеми подробностями, упустив, пожалуй, только «маленькие шалости».

– Ну, так ты едешь со мной или пойдешь на свой дурацкий конгресс? – спросила она, закончив живописать.

– Еду – куда? – не сразу сообразила я, но, задав вопрос, вспомнила, что Дашка приглашала меня в Валетту. – Так ты, значит, не передумала?

– Передумала? Да ты что – кто же в здравом уме откажется от такого приключения?! К тому же я тут уже несколько дней и не видела ничего, кроме пляжа, отеля и Робера... Разве ты не можешь пожертвовать одним денечком, а? Кардиохирургию обсуждали вчера, ты сама говорила, а без того, что запланировано на сегодня, совсем нельзя обойтись, да?

Ее голос звучал умоляюще. Я не сомневалась в том, что Дашка и без меня прекрасно разберется с «приключением», но мне и самой, признаться, стало интересно, что за колечко она надыбала в номере – особенно после того, что я видела ночью. Может, действительно, ну его, конгресс этот?

Сначала мы планировали взять машину с водителем, но потом рассудили, что разумнее ехать общественным транспортом. Ближайшая автобусная остановка находилась в низине, в маленькой деревушке. Узнав о том, что мы едем на автобусе, Лили пришла в ужас.

– Дорогие мои, а вы знаете, как *эти люди* водят свои автобусы? – спросила она, всплеснув руками. – Они не соблюдают правил дорожного движения, ездят с открытыми дверями и на поворотах прямо-таки отрываются от земли, презирая силу притяжения! Это же настоящий аттракцион «американские горки», а не поездка! Правда, я сама, слава богу, не ездила на автобусе, но мне говорили...

– Ничего, – беспечно ответила Даша. – Будет о чем рассказать дома. Если бы вы, Лили, увидели питерских водителей, мальтийские показались бы вам самыми дисциплинированными в мире!

Но позже нам пришлось на себе испытать правоту пожилой бельгийки. Едва очутившись в автобусе и заплатив за проезд, я поняла, что что-то не так. Во-первых, внутри не оказалось кондиционера, поэтому водитель и не подумал закрыть двери, когда тронулся с места. С другой стороны, у него, наверное, просто не было другого выхода: народу набилось невероятное количество! Если бы ему пришло в голову соблюсти правила и захлопнуть двери, автобус превратился бы в душегубку, подобную тем, в которых фашисты отправляли евреев в концлагеря.

Дашка, благодаря маленькому росту и хрупкой фигурке, сумела протиснуться в глубь автобуса. Я же, замешкавшись при посадке, оказалась отрезанной от подруги другими пассажирами и не смогла пробиться вперед. Стоя у самых дверей, я держалась за единственный поручень и на поворотах едва не выпадала из салона, но все же как-то умудрялась балансировать на грани вылета. Я чувствовала бы себя гораздо удобнее, если бы не две толстозадые итальянки, усевшиеся на площадку у ступенек перед входом. Болтая жирными икрами в воздухе, они быстро лопотали по-своему. Из-за их присутствия мне не удавалось твердо поставить на пол вторую ногу.

На следующем повороте серпантина автобус резко повело влево. Он накренился, и я, все еще держась рукой за поручень, практически вывалилась наружу. Перед глазами с бешеной скоростью замелькали белые разделительные полосы, я зажмурилась и внезапно почувствовала, как чьи-то цепкие руки схватили меня и втянули обратно в автобус.

– Are you all right? (С вами все в порядке?) – услышала я встревоженный голос над ухом. Все те же сильные руки встряхнули меня, заставляя прийти в себя. Открыв глаза, я встретила взглядом с симпатичным мужчиной среднего роста, лет сорока, с темными выющимися волосами. Заметив, что со спасенной им женщиной все хорошо, мужчина развернулся к итальянкам, продолжавшим сидеть на площадке, только теперь все их внимание было приковано к нам. Он разразился такой скороговоркой по-итальянски, что у меня загудело в ушах. Мужчина говорил, вернее, кричал невероятно эмоционально, и я даже посочувствовала толстухам: по их виду несложно было понять, что в его речи присутствуют не только приличные слова! Пристыженные, они подвинулись, освободив достаточно места, чтобы туда уместились еще несколько человек нормальной комплекции.

– Have a seat, – сказал мой спаситель. – You need it badly, I figure. (Присядьте, вам это необходимо, я полагаю.)

Теперь я смогла, наконец, перевести дыхание и сообразить, что даже не поблагодарила того, кто спас меня от верной гибели. Но мужчина уже отвернулся, и я не знала, как привлечь его внимание, чтобы сказать «спасибо». Я надеялась, что успею это сделать, когда все начнут выходить из автобуса. К сожалению, симпатичный итальянец и его приятели вышли еще до въезда в город. На прощание он обернулся и подмигнул мне, а автобус рванул дальше, как бешеный конь, оставляя за собой тучи пыли.

Как выяснилось, Дашка ничего не знала о том, что едва не лишилась лучшей подруги. Услышав мой рассказ, она побелела от ужаса.

– Боже мой, мне следовало остаться рядом с тобой! Я бы...

– Ты бы – что? – рассмеялась я. – Вылетела бы вместе со мной? Неужели ты думаешь, что со своей комплекцией смогла бы удержать меня?

Но Дашка не успокаивалась и всю дорогу до центра что-то гневно бормотала себе под нос. Я смогла только уловить, что подруга на чем свет стоит кляла мальтийских водителей. А я всю дорогу испытывала муки совести. Вот, едва не погибла на мальтийской дороге – и все потому, что пренебрегла своими обязанностями, не пошла на конгресс, наверняка пропустила что-то важное... А что сказал бы Хлыстов, узнав о том, как я окончила свои дни? «Я же говорил: этим бабам нельзя поручать ничего серьезного, обязательно любое дело завалят!»

Оказавшись на главной площади, я огляделась. Посередине возвышался фонтан, вокруг которого собралась толпа народа. Напротив находился вход в каменный форт (я вычитала в путеводителе, что их в городе четыре). Первым делом требовалось найти хороший ювелирный магазин и постараться получить хоть какую-нибудь информацию о перстне.

Мы пересекли площадь и отправились вверх по главной улице. Повсюду сновали туристы, заходя в магазины, любуясь традиционными мальтийскими сувенирами – жестяными рыцарями, цветным стеклом, изделиями из глины и разрисованными видами Мальты блюдами и ложками. Через пару кварталов мы оказались в ювелирном раю: здесь располагались сплошные ювелирные лавки, фирменные магазины и лотки, торгующие изделиями из драгметаллов. Через дорогу плескалось море, и я с тоской подумала о том, что с гораздо большим удовольствием валялась бы сейчас на пляже, чем мотаться по жаркому, душному городу, не говоря уже о том, где я должна находиться *на самом деле!*

Даша прочесывала улицу со знанием дела, не обращая внимания на маленькие магазинчики с неприметными вывесками.

– Нам нужно что-нибудь подороже, – бормотала она. – Что-нибудь самое... О, вот оно! Заходим! – скомандовала Дарья и нырнула в какую-то дверь.

С первого взгляда я поняла, что нюх не подвел подругу. Несмотря на внешнюю скромность здания, интерьер магазина выглядел богато. Впечатление усиливала красивая подсветка, и в ее лучах ювелирные украшения представляли в самом выгодном свете. Пока я восхищенно глазела по сторонам, Даша миновала витрины с дешевым золотом и серебром и остановилась у прилавка, в котором были разложены кольца, серьги и броши с драгоценными камнями. Ее интересовали рубины, но среди выставленных на обозрение украшений она не заметила ничего, хотя бы отдаленно напоминающего кольцо, обнаруженное в номере убитого Риддла. Молоденькая продавщица вежливо выжидала, не желая беспокоить потенциальную покупательницу раньше времени. Спустя несколько минут она подошла к Даше и, улыбнувшись, спросила:

– Могу ли я вам помочь?

– Пожалуй, можете, – согласилась та, вытаскивая из сумочки перстень. – Не могли бы вы подсказать, есть ли в вашем салоне нечто подобное?

Девушка, посерьезнев, взяла кольцо и повертела в руках. Потом подошла к прилавку, выдвинула оттуда увеличительное стекло и долго рассматривала его, направив свет от лампы прямо на рубин. Наконец, она отодвинула лампу и сказала:

– Это, судя по всему, очень дорогая вещь. Вы хотели бы ее продать?

– Возможно, – неопределенно ответила Даша.

– Тогда я лучше позову хозяйку. Она сможет дать вам подробную консультацию и примерно определить цену.

Девушка-консультант скрылась в недрах магазина. Она вновь появилась в сопровождении высокой полной дамы лет пятидесяти, с прекрасной прической из седых волос и безупречным макияжем. Широкая улыбка на лице хозяйки говорила о том, что она уже в курсе проблемы и горит желанием оказать клиенткам посильную помощь.

Осторожно взяв двумя пальцами кольцо, дама проделала те же манипуляции, что и ее служащая, только у нее это заняло гораздо меньше времени.

– Знаете, – задумчиво произнесла она, возвращая предмет Даше, – боюсь, это вне моей компетенции. Простите, а как к вам попал этот перстень?

– Это подарок, – быстро ответила та.

– Тот, кто подарил вам эту вещь, должно быть, очень вас ценит, – заметила хозяйка магазина.

– А сколько... – начала Даша. – Сколько, хотя бы примерно, может стоить такое кольцо?

– Затрудняюсь сказать, – ответила женщина, – но, думаю, не меньше ста – ста пятидесяти тысяч.

– Ста пятидесяти тысяч – чего?

– Английских фунтов, разумеется!

– Анг... – Даша распахнула глаза так широко, что у меня возникло ощущение, что они могут просто-напросто вывалиться из орбит. – Но, господи помилуй, отчего так дорого?

– Это – очень старая вещица, – ответила хозяйка ювелирного салона, с завистью глядя на перстень, который Дарья по-прежнему держала в руке. – Старинная, можно сказать – древняя. Это понятно по огранке рубина – уже многие столетия секрет такого гранения утерян. Он позволял камню играть гораздо ярче, чем все современные способы даже при наличии техники, имеющейся в распоряжении ювелиров в наши дни!

– Надо же, а на вид кольцо выглядит примитивно, – пробормотала Даша, вертя его между пальцами так, чтобы свет отражался во множестве граней рубина.

– У меня есть один хороший знакомый, – сказала вдруг хозяйка магазина. – Он работает в Военном музее и очень много знает о символике. Как я вижу, на этом кольце изображены вроде бы листья клевера или крест с недостающими гранями. Возможно, вам интересно узнать что-нибудь по этому поводу?

– О да, – быстро сказала я, – очень даже интересно!

– И вы еще успеете в музей, – заметила женщина, мельком взглянув на висящие над прилавком часы. – Он открыт только до половины первого, поэтому не следует мешкать. Моего приятеля зовут Джозеф Аттард. – Она взяла с прилавка листок бумаги и ручку и записала имя. – Скажете, что вас прислала Сара Рэдклифф.

Поблагодарив хозяйку салона, мы выскочили на улицу, под палящие лучи полуденного солнца. У нас оставалось мало времени, чтобы добежать до Военного музея. К счастью, найти его оказалось нетрудно: он располагался внутри старинного форта Сан-Эльмо.

– Надо же, – пробормотала Даша. – Прямо как наш отель!

Влетев в здание, мы оказались около кассы. Сидевшая там старушка сказала:

– Сожалею, но вы опоздали: экскурсия началась пятнадцать минут назад, и она на сегодня последняя. Приходите завтра пораньше.

– Мы не на экскурсию, – сказала я. – Нам нужен мистер Джозеф Аттард.

– А-а, тогда вам следует подождать. Мистер Аттард как раз и ведет эту самую экскурсию и закончит приблизительно через полчаса.

– Отлично. Сколько стоит билет?

Войдя в главный зал, мы прислушались: голос экскурсовода доносился откуда-то из глубины, и мы проследовали в этом направлении.

Группка японцев, увешанных фото- и видеокамерами, окружала невысокого, худого, лысоватого мужчину в очках. Его загорелое лицо украшали пышные седые усы, а светло-серый костюм смотрелся мешковато. Тем не менее Джозеф Аттард производил впечатление настоящего ученого мужа.

Экскурсия шла на английском языке, поэтому я понимала каждое слово. Из рассказа мистера Аттарда следовало, что форт Сан-Эльмо воздвигли в тысяча пятьсот пятьдесят тре-

тем году для защиты бухты Марсамкет. Три года спустя его осадили османы, и форт пал через тридцать один день яростной защиты обороняющих его рыцарей. После вытеснения османов его реконструировали. Среди экспонатов музея самыми драгоценными считались Георгиевский крест, дарованный народу Мальты за беспримерное мужество во время Второй мировой войны, а также самолет «Вера». Еще два, «Надежда» и «Милосердие», вместе с ним уничтожившие без малого триста самолетов Люфтваффе, к сожалению, не сохранились. Я постояла немного у маленького самолетика, похожего на советский «кукурузник», поражаясь тому, каким же мастерством должен был обладать летчик, чтобы вести на нем воздушный бой!

По окончании экскурсии Джозеф Аттард сам подошел к нам. Очевидно, он сообразил, что мы двое не имеем к японцам никакого отношения, и заинтересовался причиной нашего появления. Даша объяснила, что нас прислала Сара Рэдклифф, и продемонстрировала ему перстень. При виде его седые брови мистера Аттарда резко подскочили вверх.

– Где вы это взяли? – изумленно спросил он, беря кольцо в руки и поднося его поближе к глазам. – Какая великолепная работа! Вещице, должно быть, не менее четырехсот лет...

– Это мы уже выяснили, – прервала его восторги Даша. – Вы не могли бы нам подсказать, что это за символы? – и она указала кончиком отполированного ногтя на лепестки, обрамляющие рубин.

– Все просто, – ответил мужчина. – Это так называемый «полукрест». Он был в ходу у людей, которые не являлись членами Мальтийского ордена, но участвовали в его деятельности. Этот символ существует сотни лет, и любой историк вам это скажет.

– А что означает надпись внутри кольца? – задала я вопрос.

Ученый повернул кольцо так, чтобы свет из окна падал туда, куда я показала.

– Очень интересно, – пробормотал он. – Очень интересно! «IGNI ET FERRO», огнем и мечом!

– Ведь вряд ли подобная надпись могла являться простой прихотью владельца, – сказала я. – Как вы полагаете?

– Несомненно, – подтвердил мистер Аттард. – Я не совсем уверен...

Он вдруг замолчал, потому что в пустом коридоре послышались шаги, порождая гулкое эхо во всем помещении. В зал вошел высокий мужчина лет под шестьдесят. Выражение его лица было недовольным.

– Джозеф, что происходит? Японцы ушли, мы должны закрывать, а ты все возишься с... Кстати, кто это?

– Это мои друзья, мистер Келли, – торопливо ответил ученый, прежде чем кто-то из нас успел открыть рот. – Мы уже заканчиваем.

Мистер Келли с недоверием посмотрел на нас, но больше ничего не сказал. Перед тем как окончательно покинуть помещение, он обернулся у выхода, словно проверяя, действительно ли мы собираемся уходить.

– Итак, – заговорил Аттард, как только Келли скрылся, – вернемся к нашему разговору. Мне очень любопытно, как такая вещь могла попасть к вам, леди? Простите, но вы иностранки, так что мне трудно предположить обстоятельства, при которых вы получили это кольцо!

– Извините, но мы не можем удовлетворить ваше любопытство, – твердо произнесла Дарья. – Мы получили кольцо в результате обстоятельств, заставивших нас обратиться за профессиональной консультацией.

– Хорошо, – вздохнул ученый. – Тогда я могу, пожалуй, кое-что добавить к уже сказанному. Не стану утверждать наверняка, но слышали ли вы когда-нибудь о Мальтийском Круге? Ну, конечно же, нет, зачем я спрашиваю! – воскликнул он, читая непонимание на наших лицах. – Так называлась тайная организация, ответвление от ордена со своей собственной иерархией, символикой и так далее. Да и цели группа ставила несколько иные, нежели сам Мальтийский орден. Большинство ученых считают данную организацию выдумкой, так как до

сих пор не получено достоверных доказательств ее существования. Есть одни лишь разрозненные факты, на которых невозможно строить научное обоснование. Большинство возражений относительно существования Мальтийского Круга основаны на том, что ни одного документа, имеющего отношение к данной организации, до сих пор не найдено.

Вы уже, наверное, знаете, что орден иоаннитов, или госпитальеров, зародился в начале одиннадцатого века в Иерусалиме. Мальтийский Круг, как считают некоторые, возник в середине шестнадцатого века, после того как орден перебрался на остров с Сицилии.

– А чем именно занималась эта тайная организация? – поинтересовалась я.

– Как я уже сказал, можно только предполагать. У Мальтийского ордена, как и у любой военно-религиозной организации того времени, было много врагов. Эта группа ставила своей целью их уничтожение. Шпионаж, политические убийства – такие дела, скорее всего, и числились за Мальтийским Кругом. Видите ли, середина шестнадцатого столетия на острове отмечена чередой странных событий. Среди них – необъяснимые исчезновения видных членов ордена, а также иностранных послов и политических деятелей, несколько нераскрытых убийств, акты саботажа и так далее. Все это наводит на мысль о действиях какой-то организации, хотя и нет ни единого доказательства существования таковой. В те смутные времена многое списывалось за счет военных действий. Орден постоянно находился в состоянии войны. В основном с османами, но еще и с тунисскими пиратами. Среди них особо отличились братья Хайруддин и Аруджа Барбаросс. После серии удачных набегов на остров они вдруг пропали, и никто не знает, что с ними произошло. Если бы вы согласились оставить мне перстень, я бы порылся в бумагах и, возможно, смог рассказать вам больше про этот интересный предмет.

– К сожалению, это невозможно, – быстро сказала Даша, забирая кольцо из рук ученого, вернувшего его с явной неохотой.

– Тогда, возможно, вы смогли бы прийти послезавтра? – спросил ученый. – Я подготовлю кое-какую информацию.

– Договорились, – согласилась она. – Мы обязательно придем. До скорой встречи.

Я направилась к выходу из зала, но, к моему удивлению, Дашка мешкала. Она остановилась возле большого полотна с изображением корабля времен Второй мировой войны. На корме, повыше ватерлинии, значилось название судна – «Санта-Мария».

– Простите, мистер Аттард, – обратилась Дарья к экскурсоводу. – Это та самая «Санта-Мария», которая входила в состав знаменитого конвоя, доставившего топливо и провиант на Мальту в сорок втором?

– Вы абсолютно правы, – согласился ученый с некоторым удивлением. Очевидно, он не ожидал, что гостья из России может так много знать об истории острова. – Это тот самый корабль. «Санта-Мария» везла медикаменты и врачей для нашего военного госпиталя.

– И она стала единственным кораблем, который затонул при переходе через пролив?

– Затонул? – Аттард изумленно приподнял брови. – Кто вам такое сказал? «Санта-Мария» благополучно достигла берега вместе с остальным конвоем.

– В самом деле? – Казалось, Дарья находится в замешательстве. – Но... Нет, ничего. Еще раз спасибо за помощь, – быстро скомкала она разговор.

Когда мы оказались в коридоре, я поинтересовалась:

– С чего это ты вдруг стала расспрашивать Аттарда о корабле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.